Проф. В. И. ГЕРЬЕ.

Тимоѳей Николаевичъ ГРАНОВСКІЙ.

Въ память столѣтняго юбилея его рожденія.

6 DK 188
17

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1914.

6K

Проф. В. И. ГЕРЬЕ.

Тимоѳей Николаевичъ ГРАНОВСКІЙ.

Въ память столѣтняго юбилея его рожденія.

БИБЛІОТЕКА
МОГИЛЕВ.
Инв. № 10577

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1914.

„Пресъ 38“

62К188
17

470
38

Отд. оттискъ изъ Отчета Императорскаго Московскаго Университета за 1913 г., ч. I.

Т. Н. Грановскій.

Въ память столѣтняго юбилея его рожденія.

I. Учебные годы Грановскаго.

Описывая шумныя привѣтствія Грановскому со стороны студентовъ и публики послѣ его диспута, Герценъ говоритъ, что это былъ *день торжества* Грановскаго, да вмѣстѣ съ тѣмъ всего университета. То-же самое слѣдуетъ сказать и о всей дѣятельности Грановскаго. А такъ какъ въ теченіи истекшаго академическаго года совершилось столѣтіе со дня рожденія Грановскаго, то вспомнимъ въ сегодняшнемъ торжественномъ собраніи съ благодарностью и почтеніемъ о томъ, чѣмъ былъ Грановскій для нашего университета. Въ освѣженіи памяти о Грановскомъ нуждается не только та наука, которую онъ преподавалъ и которую онъ, можно сказать, впервые ввелъ въ нашъ университетъ. Значеніе исторической каѳедры, когда ее занималъ Грановскій, выходило далеко за предѣлы университетскихъ аудиторій и глубоко захватывало всю область русскаго общественнаго сознанія. Поэтому современному поколѣнію профессоровъ и студентовъ есть чему поучиться у Грановскаго и за что ему поклониться.

Т. Н. Грановскій сдѣлался обладателемъ той каѳедры, которую онъ прославилъ, не смотря на весьма неблагопріятно сложившіяся для него обстоятельства. Школьное образованіе его было запущено вслѣдствіе ранней смерти матери и безпечности отца, жившаго въ деревнѣ. Пробывши недолго въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ, молодой Грановскій провелъ нѣсколько лѣтъ на полной волѣ въ деревнѣ,

пока наконецъ не былъ опредѣленъ 18 лѣтъ на службу въ Петербургъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Но здѣсь онъ почувствовалъ свое призваніе и несмотря на скудныя средства, ему неправильно предоставляемыя отцомъ, сталъ готовиться въ университетъ, куда онъ и поступилъ въ августѣ 1832 года. По весьма вѣроятной догадкѣ его друга и біографа А. В. Станкевича, онъ поступилъ на юридическій факультетъ потому, что въ то время былъ недостаточно силенъ въ древнихъ языкахъ и математикѣ, но преподаваніе юридическихъ наукъ было на избранномъ имъ факультетѣ не таково, чтобы оно могло увлечь живого и жаждавшаго духовнаго развитія юношу. Молодой Грановскій занимался литературой и поэзіей и перечиталъ всѣ классическія сочиненія по исторіи, которыми могла гордиться тогдашняя Франція. По окончаніи университета Грановскій поступилъ чиновникомъ въ Гидрографическій департаментъ, состоя въ то-же время сотрудникомъ въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Въ концѣ 1835 г. его посѣтилъ одинъ знакомый его семьи, состоявшій на службѣ при тогдашнемъ попечителѣ Московскаго Учебнаго Округа, графѣ Строгановѣ. Этому попечителю Московскій университетъ и обязанъ Грановскимъ. Въ началѣ 1836 года Грановскій былъ командированъ въ Берлинъ для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ исторіи въ Москвѣ.

Грановскій прибылъ въ Берлинъ въ іюнѣ, когда лѣтній семестръ уже склонялся къ концу, и посвятилъ время, остававшееся до начала осенняго семестра, изученію языковъ—нѣмецкаго и латинскаго, а впослѣдствіи и греческаго. Тогдашній составъ берлинской профессуры былъ очень благопріятенъ для цѣлей Грановскаго, включая въ себѣ передовыя силы въ области исторической науки — въ особенности Ранке. Будучи „почти въ одинаковой степени, какъ у себя дома, въ различныхъ областяхъ своего обширнаго предмета“, Ранке ставилъ себѣ цѣлью относительно каждаго событія прежде всего выяснить реальную, объективную подкладку

его—т. е. какъ выражался Ранке—разслѣдовать wie es eigentlich geschehen ist. Для Грановскаго, подошедшаго къ исторіи со стороны поэзіи и историческаго романа Вальтера Скота, этотъ методъ былъ особенно полезенъ. Достоинству учителя вполнѣ соотвѣтствовали любознательность и зрѣлость ученика, какъ видно изъ его отзыва о Ранке. При слабомъ голосѣ и маломъ ростѣ Ранке отличался чрезвычайно живымъ темпераментомъ и быстротою рѣчи, что весьма затрудняло его пониманіе. Несмотря на это Грановскій тотчасъ оцѣнилъ его значеніе, какъ историка. „Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ“, пишетъ Грановскій, разумѣя эпоху французской революціи. Ни Тьеръ, ни Минье не могутъ сравниться съ Ранке“. Нужно имѣть въ виду, что названные здѣсь Грановскимъ писатели пользовались тогда громадною популярностью, и не безъ основанія. Живое повѣствованіе Тьера увлекало поневолѣ читателя, а логическое построеніе хода революціи у Минье сковывало вниманіе читателя своей фаталистической тенденціей. Несмотря на это 23-лѣтній Грановскій пишетъ: „У Ранке такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно! Ранке безспорно самый геніальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ“. А другому своему товарищу по Петербургскому университету Грановскій пишетъ: „Слава Ранке еще молода, въ Россіи о немъ немногіе знаютъ, а онъ выше большей части современныхъ историковъ. Не говоря объ его учености—это вещь не удивительная въ Германіи,—но его свѣтлые, живые поэтическіе взгляды на науку очаруютъ тебя. Онъ понимаетъ исторію. Надо привыкнуть только къ его способу изложенія, потому что онъ читаетъ скоро, отрывисто и кажется разсуждаетъ съ самимъ собой, а не думаетъ о своихъ слушателяхъ. Многіе находятъ, что онъ сухъ, оттого, что у него нѣтъ привычки забавлять студентовъ анекдотами. Я въ восторгѣ отъ его лекцій“.

Въ подтвержденіе ранней зрѣлости историческихъ сужде-

ній Грановскаго, сошлемся еще на другое письмо, относящееся къ этому же времени и также касающееся французской революціи. Оно написано къ Бѣлинскому: „Боткинъ прочелъ мнѣ твое письмо, неистовый Роландъ. Письмо очень хорошо, потому что вылилось изъ души въ теплую минуту, но исторической истины въ немъ нѣтъ. Шепелявый другъ твой правъ, утверждая, что Робеспьеръ былъ мелкій, дрянной человѣкъ, бывшій органомъ и орудіемъ чужой воли. Объ этомъ предметѣ мнѣ хочется написать статью, разумѣется для тебя только; теперь поговоримъ вкратцѣ. Тебѣ нравится личность Робеспьера потому, что онъ удовлетворяетъ дѣлами своими твоей ненависти къ аристократамъ и т. д. Но, Боже мой, сколько мелкихъ личныхъ побужденій вмѣшивается въ общіе виды Робеспьера. Какъ безконечно выше его стоитъ St. Just, ограниченный фанатикъ, но благородный и глубоко убѣжденный. Краснорѣчіе Робеспьера, несмотря на приводимые тобой отрывки, все таки далеко не можетъ сравниться съ краснорѣчіемъ жирондистовъ, не говоря уже о Мирабо. Какъ государственный человѣкъ, въ великомъ значеніи слова, Робеспьеръ ничтоженъ, равно какъ St. Just. За него работали Карно, Мерленъ, другіе даровитые *горцы*. Онъ былъ практическій человѣкъ, потому что умѣлъ опошлить и прикладывать къ дѣйствительности высшіе вопросы, рѣшеніе которыхъ, очевидно, принадлежитъ будущности; т. е. изъ общихъ вопросовъ онъ извлекъ частную пользу для себя и своей партіи“, и т. д.

Отзывъ Грановскаго о Робеспьерѣ заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что въ кружкѣ Грановскаго было довольно распространено поклоненіе виновнику жестокаго закона 20 преріала. Кромѣ Бѣлинскаго Робеспьеру поклонялся и общій другъ ихъ, Кетчеръ, сердоболіе котораго составляло полную противоположность бездушію Арасскаго адвоката. Изъ сердоболія Кетчеръ обратилъ свой домъ въ пристанище дряхлыхъ и больныхъ собакъ и кошекъ и былъ ярымъ противникомъ налога на собакъ, опасаясь, что этотъ

налогъ будетъ гибеленъ для тѣхъ собакъ, хозяева которыхъ не захотятъ платить новаго налога.

Насколько однако Грановскій восторгался профессоромъ Ранке, настолько онъ былъ недоволенъ его товарищемъ по каѳедрѣ исторіи, болѣе извѣстнымъ и популярнымъ въ Россіи—какъ видно изъ повѣсти „Наканунѣ“—авторомъ исторіи Гогенштауфеновъ—Раумеромъ. Грановскій находилъ, что онъ много знаетъ, но холоденъ и мелоченъ, говоритъ о пустякахъ, которые всякому извѣстны и сверхъ того не имѣетъ рѣшительно никакого твердаго мнѣнія отъ желанія быть безпристрастнымъ“.

Юристъ Савиньи, глава исторической школы въ правѣ, раскрылъ Грановскому живую связь между исторіей народа и его юридическимъ бытомъ и таинственную роль того, что называется духомъ народа,—а знаменитый географъ Риттеръ обратилъ его вниманіе на живую связь между исторіей народа и физическими условіями, среди которыхъ она развивалась.

Слушая тѣ университетскіе курсы, которые онъ считалъ для себя полезными, Грановскій въ то-же время изучалъ отдѣльные эпохи и вопросы исторіи. При этомъ его впечатлительность и воспріимчивость побуждали его весьма разнообразить свои занятія. Такъ, послѣ перваго своего семестра въ Берлинѣ онъ направился въ Прагу, гдѣ познакомился съ вождями національнаго и культурнаго возрожденія чешскаго народа. Грановскій, по слѣдамъ своихъ соотечественниковъ увлекался славянскимъ вопросомъ и даже пришелъ къ убѣжденію, „что Чехи XIII и XIV вѣка были гораздо образованнѣе и свободнѣе въ конституціонномъ смыслѣ всѣхъ тогдашнихъ Нѣмцевъ“.

Точно также Грановскій заинтересовался и сербскими историческими пѣснями. Но несмотря на живой интересъ Грановскій обладалъ чрезвычайно вѣрнымъ глазомѣромъ. При всемъ сочувствіи къ благородству и безкорыстной преданности національному идеалу со стороны Шафарика, Гра-

новскій въ бесѣдѣ съ нимъ находилъ, что „Лео правъ, называя Романо-Германскія племена главными дѣятелями въ средней и новой исторіи и что всемірное значеніе получили славяне только недавно, когда Россія вошла въ Европу. Но это преувеличеніе такъ понятно, такъ необходимо въ людяхъ, которые съ такимъ самоотверженіемъ служатъ избранному дѣлу“ [1]).

Изъ Праги Грановскій проѣхалъ въ Вѣну. Передъ друзьями онъ оправдывалъ эту поѣздку своимъ желаніемъ, говоря Гегелевскимъ языкомъ, окунуться въ дѣйствительность (Sich in die Wirklichkeit zu werfen). На самомъ дѣлѣ—онъ здѣсь много успѣлъ въ познаніи людей и дѣйствительности. Но и науку онъ не забросилъ. Отсюда онъ писалъ: „Славянскими языками занимаюсь мало. Во первыхъ потому, что легко, а во-вторыхъ потому, что жестоко надулся. Они могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій, слѣдовательно и для исторіи, но я совсѣмъ другого ищу въ этой наукѣ. Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политическихъ формъ и учрежденій. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться. Литературы нѣтъ ни у чеховъ, ни у сербовъ; историческихъ источниковъ также. Я теперь болѣе всего занимаюсь исторіей Испаніи. Чудный народъ! Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ нигдѣ не имѣли понятія. Теперешняя Европа еще борется за то, что у нихъ тогда было“ [2]).

Въ этомъ же письмѣ Грановскій сообщаетъ своимъ друзьямъ, что онъ выбралъ уже и предметъ для своей диссертаціи—„образованіе и упадокъ городскихъ общинъ въ средніе вѣка“, и мы узнаемъ, что его навели на эту тему его занятіи исторіей Испаніи. „Первыя вольныя общины все таки въ Испаніи“. Правда, ему при этомъ приходитъ на умъ сомнѣніе:

---

[1]) Переписка Грановскаго въ изд. А. Станкевича 1897 г., письмо 29 апр. 1838 г., стр. 334.

[2]) Переписка Гр., стр. 351—12 іюня 1838.

„Позволятъ ли?—Надѣюсь“. И эта надежда усиливаетъ въ немъ желаніе приняться за дѣло. „Жажда труда у меня большая. Сейчасъ поѣхалъ бы въ Москву. Въ эту зиму я отдохнулъ, и слава Богу“.

Но прошелъ еще цѣлый годъ прежде, чѣмъ Грановскій осуществилъ это намѣреніе. Еще полгода спустя, передъ началомъ новаго года Грановскій пишетъ Григорьеву: „Что со мною будетъ въ этомъ году? Я много думаю о моемъ профессорствѣ. Мнѣ надоѣло мое бездѣйствіе. Положимъ, что я не теряю времени здѣсь, что свѣдѣнія мои увеличиваются съ каждымъ днемъ, но работать только для себя скучно, мнѣ нужна живая дѣятельность. Я увѣренъ, что годъ профессорства меня дальше подвинетъ въ наукѣ, чѣмъ три года кабинетной работы. Плановъ у меня много: между прочимъ я хочу ежегодно читать кромѣ средней и новой исторіи, исторію какого нибудь европейскаго государства—разумѣется для охотниковъ. Если останется время, то я открою курсъ всеобщей исторіи для студентовъ, не принадлежащихъ къ моему факультету. Въ первомъ году мнѣ едва ли удастся исполнить это, но во второмъ навѣрно. Писать не хочется пока. Матеріалы диссертаціи накопляются, но диссертаціи еще не начинаю писать“.

Такимъ образомъ еще въ Берлинѣ сознанію Грановскаго ясно представлялось то распутье, на которомъ должны были раздвоиться его занятія. Его всего болѣе влекло къ живому воспроизведенію прошлаго съ каѳедры передъ увлеченной аудиторіей, и въ то-же время на немъ лежала обязанность ученой кабинетной работы. Къ сожалѣнію, его вниманіе въ этомъ отношеніи остановилось на темѣ, требовавшей годы копатливаго труда. Правда, эта тема была соблазнительна для молодого историка—развитіе города, какъ политическаго учрежденія и какъ залога свободы, было центральнымъ вопросомъ для исторіи западной Европы — тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ уже былъ поставленъ на очередь для Франціи ея талантливымъ историкомъ Огюстеномъ Тьерри, — но разрѣ-

шить его для всей Европы было не по силамъ одному лицу, особенно при неразработанности и разбросанности входящихъ въ него матеріаловъ.

Но была еще другая забота, о которой Грановскій писалъ своимъ друзьямъ изъ Вѣны и которая побуждала его медлить въ Берлинѣ: „Необходимость философіи для меня я часъ отъ часу болѣе и болѣе чувствую. Я теперь очень понимаю, что есть богатыя натуры, которыя вовсе не нуждаются въ философіи: онѣ переносятъ свое внутреннее единство на внѣшній міръ; у меня наоборотъ—я долженъ извнѣ усвоить себѣ внутреннее единство и согласіе. Только по достиженіи этой цѣли могу я сдѣлать что нибудь хорошее—по моимъ требованіямъ для исторіи“.

На самомъ дѣлѣ въ дни Грановскаго и особенно въ средѣ, въ которой онъ вращался, господствовала увѣренность въ неразрывной связи между философіей и исторіей. А между тѣмъ Грановскій до пріѣзда въ Берлинъ даже не зналъ, что такое философія! Правда, въ Петербургскомъ университетѣ былъ профессоръ Фишеръ, который читалъ студентамъ по словамъ Грановскаго „какую-то другую науку, пользу которой я теперь рѣшительно не понимаю“. Въ послѣдній же годъ студенчества Грановскаго были даже по распоряженію совѣта отмѣнены лекціи по исторіи философіи, которыя Фишеръ обѣщалъ читать студентамъ, и напрасно они подъ вліяніемъ Грановскаго хлопотали о разрѣшеніи профессору читать предположенный имъ курсъ.

Не то было въ Берлинѣ. Здѣсь недавно еще раздавался съ каѳедры голосъ того мыслителя, который свелъ философію съ высотъ чисто метафизическихъ вопросовъ на землю, разсчитывая съ ея помощью раскрыть законъ творческой дѣятельности человѣчества въ правѣ, въ искусствѣ, въ религіи и въ исторіи. Съ другой стороны, Грановскій передъ своимъ отправленіемъ заграницу познакомился и подружился въ Москвѣ съ Н. В. Станкевичемъ, главою московскихъ гегеліанцевъ. И не успѣлъ еще Грановскій начать въ

Берлинѣ свой зимній семестръ, какъ его новый другъ пишетъ ему: „Твой предметъ—жизнь человѣчества; ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями — займись философіей! Занимайся тѣмъ и другимъ. Этотъ переходъ изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе“ [1]).

Грановскій послѣдовалъ совѣту друга. Посвятивъ зимній семестръ исторіи, онъ принялся весною 1837 года за философію и за чтеніе Гегеля. Къ его удовольствію, въ Берлинъ пріѣхалъ его петербургскій другъ Невѣровъ. На ихъ бѣду Берлинъ снова посѣтила холера. Ухаживая за больнымъ Невѣровымъ, Грановскій самъ заболѣлъ. Поправившись, Невѣровъ писалъ о немъ общему пріятелю: „Сочинилъ себѣ какое-то преглупое правило, что не покоряться должно природѣ, а идти ей на перекоръ и съ этимъ правиломъ не хочетъ ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію“.

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Берлинъ и самъ Станкевичъ и оттуда писалъ московскимъ друзьямъ: „Я съ удовольствіемъ расположился здѣсь и вмѣстѣ съ Грановскимъ начерталъ планъ нашихъ занятій... Нынѣшній семестръ профессоръ Вердеръ и проф. Ранке преимущественно займутъ насъ съ Грановскимъ. Вердеръ читаетъ логику по утрамъ, а послѣ обѣда исторію философіи отъ Декарта“. Объясняя, почему они не пользуются всѣми сокровищами Берлина, Станкевичъ продолжаетъ: „Вердеръ и Ранке—два такихъ сокровища, надъ которыми намъ придется работать до кроваваго пота; потому что заниматься—не значитъ только ходить на лекціи. Намъ придется думать надъ логикой, читать Декарта, Лейбница, Фихте. А надъ Новой Исторіей?—Читать источники... Философія и современный міръ—вотъ два господствующихъ занятія на нынѣшній семестръ“.

Посѣщая университетскія лекціи Вердера, Станкевичъ и Грановскій слушали также у него приватныя лекціи логики.

---

[1]) Анненковъ. Литературныя Воспоминанія, стр. 414.

Эти лекціи нерѣдко превращались въ бесѣды, длившіяся нѣсколько часовъ сряду.

Лѣтній семестръ 1838 года Грановскій, какъ выше было упомянуто, провелъ въ Прагѣ и Вѣнѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ прочелъ, какъ онъ пишетъ, философію исторіи Гегеля „отъ начала до конца и со вниманіемъ“.—Насколько Грановскій уже успѣлъ составить себѣ самостоятельное сужденіе о всеобщей исторіи—самостоятельное также по отношенію къ самому Гегелю, видно изъ дальнѣйшихъ словъ: „Начало, все введеніе и древній міръ—отлично хорошо, но далѣе много субъективныхъ мнѣній, особливо въ отдѣлѣ о среднихъ вѣкахъ. Онъ несправедливъ къ этому отдѣлу исторіи“.

Для полнаго выясненія своихъ философскихъ взглядовъ и завершенія своихъ историческихъ занятій Грановскій остался еще на третью зиму въ Берлинѣ, продолжая заниматься у Вердера и обсуждать съ Станкевичемъ возникавшіе вопросы. Весною онъ заболѣлъ грудною болѣзнью, продержавшей его почти два мѣсяца въ постели, и потому былъ принужденъ по дорогѣ въ Россію полечиться въ Зальцбруннѣ. Туда его проводилъ и Станкевичъ. Здѣсь они простились навсегда—Станкевичъ оттуда отправился въ Италію, гдѣ въ слѣдующемъ году скончался отъ чахотки. Грановскій же, полубольной, отправился въ почтовой телѣжкѣ черезъ Малороссію къ своей семьѣ и 1 сентября достигъ мѣста своего назначенія—обогащенный знаніями и просвѣщенный идеями западнаго образованія, горя желаніемъ приложить ихъ на пользу русскаго просвѣщенія.—Въ какомъ же состояніи засталъ онъ университетъ и общество, которое онъ собирался просвѣщать?

II. Грановскій въ Московскомъ университетѣ.

Западная Европа послѣ революціи и паденія Наполеона пережила эпоху реакціи, отъ которой она лишь постепенно

оправлялась. Россія, пережившая въ 20 годахъ свою собственную революцію, находилась въ разсматриваемое время, можно сказать, въ двойной реакціи—противъ революціонныхъ идей и противъ вліянія Запада вообще. Ея министръ народнаго просвѣщенія, самъ весьма просвѣщенный человѣкъ—находилъ тогда, что „въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число умственныхъ *плотинъ*. „Шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, взялъ на себя установленіе слѣдующей программы для преподаванія русской исторіи: „Прошлое Россіи удивительно, ея настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно, что касается до ея будущности, то оно превосходитъ все, что самое смѣлое воображеніе можетъ себѣ представить; такова точка зрѣнія, съ которой русскую исторію слѣдуетъ разсматривать и писать“ [1]). Что касается до всеобщей исторіи, то Грановскій скоро узналъ, насколько точка зрѣнія его начальства расходится съ усвоенной имъ самимъ. „Дѣла мои несовсѣмъ хорошо идутъ, писалъ Грановскій Кетчеру. Я думаю, что придется идти въ отставку или перемѣнить службу“. Отъ него требовали „апологій и оправданій въ видѣ лекцій“. „Реформація и революція должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ. Я предложилъ не читать вовсе о революціи. Реформаціи уступить я не могъ. Что же бы эта была за исторія“.

Но Грановскому, выступившему, по выраженію Герцена съ „пропагандой исторіи“, пришлось считаться не столько съ офиціальными *плотинами*, сколько съ недоброжелательствомъ въ рядахъ того факультета, въ которомъ онъ состоялъ преподавателемъ. Наиболѣе вліятельные члены этого факультета были тогда проф. Давыдовъ, Шевыревъ и Погодинъ. Первые два выставили какъ бы въ отвѣтъ Грановскому, свою программу, въ одной изъ книжекъ новаго журнала—*Москвитянина*. Напечатанная въ немъ статья Шевырева

---

[1]) Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время стр., 60. (2 изд.).

уже своимъ заглавіемъ вводитъ насъ въ самый центръ культурно-историческаго вопроса, разрѣшавшагося тогда на каѳедрахъ Московскаго университета. Статья озаглавлена: „*Взглядъ Русскаго на образованіе Европы*“. Автору ея представлялось, что на его глазахъ разыгрывается „драма современной исторіи“. Эта драма, говоритъ онъ, „выражается двумя именами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ—вотъ результатъ, вытекающій изъ всего предыдущаго; вотъ послѣднее слово Исторіи, вотъ два данныя для будущаго“! Вспоминая о Наполеонѣ, въ которомъ, по словамъ автора, сосредоточился инстинктъ всего Запада, Шевыревъ ставитъ Западъ и Россію другъ противъ друга, лицомъ къ лицу и спрашиваетъ: увлечетъ ли онъ (т. е. Западъ) насъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый? по началамъ *своимъ*, а не тѣмъ же Европейскимъ?“

Съ точки зрѣнія риторики этотъ пріемъ нельзя не признать удачнымъ. Самой постановкой вопроса онъ разрѣшается въ желательномъ для автора смыслѣ. Какъ же не защищаться противъ враждебной Европы и не обратиться для этой защиты къ началамъ противоположнымъ Европейскимъ? Но какія же это начала? Авторъ, разсматривая Европу, выдѣляетъ изъ нея Италію и Англію, какъ страны наиболѣе отдаленныя, вліяніе которыхъ менѣе всего доходитъ до Россіи. Италія и Англія! Опять риторическая антитеза! „Первая переноситъ насъ изъ міра корыстной существенности въ міръ наслажденій чистыхъ“. Казалось бы, что Россіи нечего бояться этихъ чистыхъ наслажденій. „Но Италія совершила свое дѣло. Ея искусство стало собственностью всего образованнаго человѣчества“. Современная же Италія пала... „Ученые Италіи—острова, отдѣльно плавающіе на морѣ невѣжества“. Литература Италіи въ такомъ же жалкомъ видѣ: „Писатели Авзонійскіе“ (Италіянскіе) находятся подъ „развращающимъ вліяніемъ Франціи“, но ихъ вкусъ остается чистъ отъ него

по двумъ причинамъ. Ихъ спасаетъ чувство религіозное и чувство эстетическое, питаемое вѣчными образцами, входящими въ образованіе народное.

Переходя къ Англіи, Шевыревъ восхищается ея богатствомъ; онъ благоговѣетъ передъ благоденствіемъ, которое она себѣ устроила... Она обязана этимъ „взаимному совокупленію двухъ силъ—одной, стремящейся внѣ, жаждущей обнять весь міръ, другой—питающейся прошедшимъ. Эти двѣ силы были олицетворены Байрономъ и Вальтеръ Скотомъ. Подобно Италіи и Англія съумѣла сохранить себя отъ тлетворнаго вліянія французской литературы благодаря преданію своей литературы, „всегда имѣвшей въ виду цѣль нравственности“ и *общественному мнѣнію*, „полагающему преграды злоупотребленію личной свободы писателя, который своимъ развращеннымъ воображеніемъ захотѣлъ бы развращать и народъ“. Но дѣло не въ Англіи и Италіи, заслоненныхъ отъ Россіи Франціей и Германіей. Вотъ тѣ двѣ страны, подъ вліяніемъ которыхъ Россія находилась и находится. „Франція и Германія были сценами двухъ величайшихъ событій, къ которымъ подводится вся исторія новаго Запада или правильнѣе, двухъ переломныхъ болѣзней, соотвѣтствующихъ другъ другу. Эти болѣзни были—реформація въ Германіи, революція во Франціи; болѣзнь одна и та-же только въ двухъ разныхъ видахъ. Мы думаемъ, что эти болѣзни уже прекратились,—нѣтъ мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать, и которые въ свою очередь произвели уже поврежденіе органическое, признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ-будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферой опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа,

которымъ онъ уже пахнетъ. Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности; угождаетъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденіе искусства. Мы рады, что попали на пиръ готовый, къ такому богатому хозяину... Мы упоены... Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша"... Авторъ утѣшается тѣмъ, что русскіе сохранили въ себѣ три коренныя чувства, въ которыхъ залогъ ихъ будущаго развитія—древнее чувство религіозное, чувство государственнаго единства—нѣтъ страны въ Европѣ, которая могла-бы гордиться такою гармоніей политическаго бытія,—и сознаніе нашей народности".

По поводу этой статьи петербургскій профессоръ и цензоръ, Никитенко, писалъ: „Чудаки эти Москвичи! Ругаютъ Западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами,—все знаютъ и все могутъ. Они дѣйствительно являются выраженіемъ нашей *младенчествующей самостоятельности*[1])".

Хорошо было петербургскому цензору подтрунивать надъ Москвичами. Но юнымъ Москвичамъ двухъ факультетовъ приходилось изъ года въ годъ въ теченіе еще 16 лѣтъ слушать лекціи, гдѣ проповѣдывались такіе взгляды и запоминать ихъ для экзамена.

Какъ бы дополненіемъ къ этой статьѣ служило напечатанное тутъ же разсужденіе И. И. Давыдова о томъ: „Возможна ли у насъ Германская философія"? Разсмотрѣвъ эту философію отъ Лейбница до Гегеля, авторъ упрекаетъ ее въ томъ, что окрыленная торжествомъ реформаціи, она возмечтала въ ослѣпленіи своемъ руководить религіей, ниспосланной свыше, и приходитъ къ заключенію, что германская философія невозможна въ Россіи по противорѣчію ея русской народной жизни религіозной, гражданской и умственной, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. VI. 13.

что она перестанетъ быть оракуломъ даже и для своихъ соотечественниковъ... „Святая Вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, дивная исторія славы нашей, вотъ изъ чего должна развиваться наша философія“.

Самъ редакторъ Москвитянина, Погодинъ, язвительно замѣтилъ по поводу этой статьи въ своемъ Дневникѣ: „Хороша статья Давыдова, если онъ не перевелъ ее откуда нибудь“. Любопытно, что тотъ же Погодинъ помѣстилъ въ той же книжкѣ статейку, подрывавшую точку зрѣнія его товарищей и прославлявшую Петра Великаго, какъ виновника всѣхъ нововведеній, преобразившихъ древнюю Россію и сблизившихъ ее съ Европой: „Нынѣшняя Россія, т. е. Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная— есть произведеніе Петра Великаго... Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ обратиться ни въ одну сторону безъ того, чтобы онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньи—все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 Января 1841 года. Петръ велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова. Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

Пора одѣваться. Наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ *онъ*; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ *онъ*.

Попадается на глаза книга. Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній церковный.

Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ. Вамъ нужно купить разныя вещи—всѣ онѣ отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Ве-

ликомъ: одни выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофеля, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ, допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ университетъ—первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство—такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу. Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее передъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ—по Генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Великаго, вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ государствъ и началъ внушать къ ней уваженіе и проч. и проч. и проч.“.

„Петръ Великій былъ геній, которому мало подобныхъ представляетъ Исторія“!

Эта высокая оцѣнка Петра Великаго со стороны Погодина казалось-бы должна была служить противодѣйствіемъ европофобіи у сотрудниковъ Москвитянина и средствомъ сближенія между Погодинымъ и Грановскимъ, который былъ большимъ поклонникомъ Петра Великаго. Вотъ что Грановскій писалъ въ январѣ 1855 г.[1]) Кавелину: „Въ воскресенье вечеромъ я былъ у Погодина и съѣздилъ недаромъ. Я видѣлъ у него недавно купленный имъ портретъ Петра Великаго. Портретъ этотъ писанъ съ мертваго, вѣроятно тотчасъ послѣ кончины

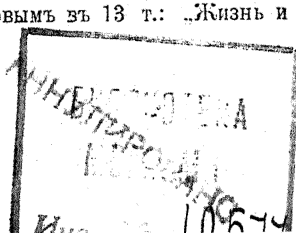
[1]) Переписка, во II изд. Станкевича. Стр. 453.

и хранился въ родѣ Макаровыхъ, которыхъ предокъ былъ кабинетъ-секретаремъ при Петрѣ въ послѣдніе годы его жизни. Художникъ не извѣстенъ. Я не знатокъ и даже не любитель живописи: но мнѣ кажется, что я былъ бы въ состояніи стоять по цѣлымъ часамъ передъ этой картиной. Я охотно отдалъ бы за нее любимыя книги мои, часть моей библіотеки. Представь себѣ голову покойника на красной, усиливающей блѣдность лица подушкѣ. Верхняя часть божественно прекраснаго лица носитъ печать величаваго спокойствія—такого спокойствія, которое можетъ быть результатомъ святой, чистой, безконечно благородной мысли. Мысли нѣтъ болѣе, но выраженіе ея осталось. Такой красоты я не видалъ никогда. Но жизнь еще какъ будто не застыла въ нижней части лица. Уста сжаты гнѣвомъ и скорбью. Онѣ какъ будто дрожатъ. Цѣлый вечеръ смотрѣлъ я на это изображеніе человѣка, который далъ намъ право на исторію и едва-ли не одинъ заявилъ наше историческое призваніе. Цѣлый вечеръ голова была полна имъ. О немъ только и говорили мы съ Погодинымъ и Самаринымъ (Ю. Ѳ.). Грѣхъ и стыдъ тебѣ будетъ, Кавелинъ, если ты не сдѣлаешь чего-нибудь для исторіи Петровскихъ учрежденій. Мнѣ кажется, ты одинъ у насъ можешь совершить съ честью такой трудъ. Сто тридцать лѣтъ ждётъ Петръ себѣ цѣнителя“.

Не задолго передъ этимъ Грановскій писалъ Герцену: „Зачѣмъ ты бросилъ камень въ Петра, вовсе не заслужившаго твоихъ обвиненій, потому-что ты привелъ невѣрные факты. Чѣмъ болѣе живемъ мы, тѣмъ колоссальнѣе растетъ передъ нами образъ Петра. Тебѣ, оторванному отъ Россіи, отвыкшему отъ нея, онъ не можетъ быть такъ близокъ и такъ понятенъ; глядя на пороки Запада, ты клонишься къ славянамъ и готовъ имъ подать руку. Пожилъ бы ты здѣсь и ты сказалъ-бы другое“ [1]).

---

[1]) Приведено Н. Барсуковымъ въ 13 т.: „Жизнь и труды Погодина“. Ст.р 354.



Общее почитаніе Петра Великаго не сблизило однако Погодина съ Грановскимъ, и это объясняется тѣмъ, что они совершенно различно понимали Петра, какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь отзывовъ ихъ.

Погодинъ признаетъ, что Петръ „помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ государствъ", но приводитъ въ доказательство этого усвоеніе западнаго календаря и табель о рангахъ, „которая даетъ чинъ и дворянство". Грановскій прочелъ на прекрасномъ лицѣ Петра его мысль пріобщить русскій народъ къ европейскому *образованію*.

Въ этомъ вопросѣ и разошлись пути Грановскаго и тѣхъ его факультетскихъ товарищей, которые допускали европейское образованіе лишь процѣженное сквозь ихъ мелкое сито и при явномъ противорѣчіи между восторгомъ Шевырева передъ образцами европейской литературы и его проповѣдью о гниломъ Западѣ. А при ихъ европофобіи они не могли относиться привѣтливо къ новому и пылкому вѣстнику европейской цивилизаціи, и это скоро обнаружилось въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Всего ярче это проявилось по поводу магистерской диссертаціи Грановскаго, которая должна была дать ему доступъ къ профессурѣ. Пріѣхавши въ Москву безъ диссертаціи и отвлекаемый здѣсь подготовленіемъ курсовъ и другими занятіями, Грановскій долго колебался надъ выборомъ темы изъ обширнаго матеріала по исторіи городовъ на Западѣ, которая его давно прельщала. Наконецъ онъ остановился на исторіи трехъ легендарныхъ смѣнявшихся городовъ въ нѣкогда славянской области на вендскомъ Поморьѣ—„Волинъ, Іомсбургъ и Винета". Тема эта его привлекла вѣроятно потому, что ему здѣсь представлялся случай повторить опытъ Нибура при критическомъ разслѣдованіи противорѣчивыхъ преданій, заслонившихъ возникновеніе города [1]). Но против-

[1]) Одинъ изъ послѣднихъ критиковъ литературы скандинавскихъ сагъ доказываетъ теперь, что поселеніе викинговъ—Іомсбургъ—совершенно баснословно. Hist. Zeit. № 110—3. Стр. 626.

ники его на факультетѣ съ своей стороны воспользовались случаемъ показать ему свою силу и задержали диссертацію.

„Диссертацію я не защищаю до сихъ поръ потому,—писалъ Грановскій въ Петербургъ Кетчеру,—что друзья мои при пособіи Бодянскаго хотѣли возвратить ее назадъ съ позоромъ. Я просто не взялъ и потребовалъ отъ нихъ письменнаго изложенія причины. Разумѣется, они уступили".

Твердость Грановскаго взяла верхъ, 21 февраля 1845 года состоялся диспутъ Грановскаго.

По словамъ Герцена диспутъ былъ „публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичной оваціей Грановскаго. Нападки были дѣланы съ невѣроятною дерзостью, съ цинизмомъ грубымъ до отвратительности".

„Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь: нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ посильнѣе осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканьемъ".

Когда кончился диспутъ, и Графъ Строгановъ поздравилъ Грановскаго, раздались „Виватъ! Виватъ!" На лѣстницѣ потомъ увидѣли какъ-то Грановскаго и новыя рукоплесканья; даже передъ Университетомъ собралась толпа студентовъ, ожидавшая его выхода, но ее уговорили разойтись.

Что это описаніе не преувеличено, видно по дневнику Погодина: „По вызову Давыдова (декана) я началъ говорить, а потомъ неожиданно и Бодянскій. Длинная рѣчь въ неприличной формѣ. Почти шиканье послѣ нѣкоторыхъ репликъ; Рѣдкинъ отвѣчалъ глупость Шевыреву и ему захлопали. А Шевыреву знаки неодобренія. Каково! Я долженъ былъ вступиться противъ Рѣдькина и показать, что раздѣляю мысли Шевырева. Строгановъ молчалъ, рукоплесканья въ заключенье".

Студенты собирались на первой лекціи послѣ диспута сдѣлать Грановскому новую овацію и инспекторъ Нахимовъ

просилъ его предупредить ее. Въ обращеніи къ студентамъ передъ лекціей Грановскій сказалъ между прочимъ, что имъ, и ему предстоитъ благородное и „надѣюсь, долгое служенье нашей великой Россіи, Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются передъ кумиромъ, созданнымъ ихъ праздным воображеніемъ".

Эти слова Грановскаго показываютъ, въ чемъ онъ усматривалъ сущность спора между *славянофилами* и *западниками* сороковыхъ годовъ. Это былъ споръ не отвлеченный только или литературный, а споръ, отъ котораго зависѣла независимость и серьезность науки въ университетѣ. Грановскій на своемъ диспутѣ, какъ и вообще въ своемъ преподаваніи, отстаивалъ не столько себя, сколько интересы науки и культуры, являлся продолжателемъ того дѣла, за которое онъ такъ высоко цѣнилъ Петра,—культурнаго подъема Россіи.

Сочувствіе студентовъ къ Грановскому, проявившееся на диспутѣ, свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ его преподавательской дѣятельности. Въ началѣ ея Грановскій неоднократно жаловался, что профессора „портятъ" студентовъ, внушая имъ недовѣріе къ западно-европейскому образованію. Онъ побѣдоносно разрушилъ это недовѣріе. А что вліяніе его не породило противоположной крайности, для этого достаточно указать на то, что среди его учениковъ той поры былъ и С. М. Соловьевъ, національный русскій историкъ, который съ такою горячей привязанностью отозвался о немъ въ своемъ некрологѣ, причисливъ его къ тѣмъ „немногимъ людямъ, которыхъ, встрѣтясь съ ними разъ, нельзя забыть, сошедшись съ которыми тяжело разстаться".

Лишь 4 года спустя, въ 1849 г. послѣдовалъ докторскій диспутъ Грановскаго, вызвавшій какъ и магистерскій, вспышку страстей и новое столкновеніе двухъ обществен-

ныхъ теченій. Но за это время положеніе Грановскаго въ факультетѣ значительно улучшилось. Его оффиціальными оппонентами были не риторы, какъ Давыдовъ и Шевыревъ, а историки, и не противники его, а ученики, Кудрявцевъ и Соловьевъ. Предметомъ диссертаціи было историческое изслѣдованіе объ аббатѣ Сугеріи, „положившемъ первый камень политическаго зданія, достроеннаго Людовикомъ XIV, т. е. французской монархіи".—Сугерій, аббатъ монастыря св. Діонисія подъ Парижемъ, товарищъ юности Людовика VI, былъ политическимъ руководителемъ этого короля, а затѣмъ и его біографомъ, при чемъ онъ по скромности скрылъ въ этой біографіи свою выдающуюся роль. Въ виду этого Грановскій, изображая систематическую борьбу короны противъ феодальной анархіи подъ сильной рукой Сугерія, имѣлъ возможность вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить и другую историческую задачу, ему особенно сочувственную—„воздать по заслугамъ и выразить признательность труженику, въ потѣ лица работавшему на человѣчество".—„Въ возможности такого суда, писалъ Грановскій, есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью".

Нерасположеніе противниковъ къ Грановскому, не имѣвшее возможности обнаружиться на диспутѣ, проявлялось въ дневникахъ, рецензіяхъ и доносахъ. Бодянскій, напр., пишетъ въ своемъ дневникѣ, что диспутанта хвалили безусловно, и что диспутъ по общему мнѣнію былъ заранѣе подготовленъ и состоялъ во взаимномъ восхваленіи. Кромѣ того онъ сообщаетъ, что наканунѣ диспута графъ Строгановъ, перебирая тезисы диссертаціи Грановскаго, говорилъ ему, Бодянскому, что „одинъ лишь изъ этихъ тезисовъ, собственно, достоинъ имени тезиса, кажется, тотъ самый, въ которомъ говорится объ отношеніи общинъ къ монархіи". Нужно думать, что отзывъ гр. Строганова переданъ неточно или что графъ высказался о предметѣ ему мало знакомомъ, такъ какъ *всѣ* тезисы заслуживаютъ полнаго вниманія истори-

ковъ. Предположеніе о неточной передачѣ Бодянскимъ разговора съ графомъ подтверждается тѣмъ, что такого тезиса, какой приводится Бодянскимъ, вовсе не было, а есть тезисъ съ противоположнымъ смысломъ: „Ни Людовикъ VI, ни Сугерій не благопріятствовали городскимъ обществамъ. Послѣдній по положенію и характеру, долженъ былъ быть противникомъ общиннаго движенія".

Можно ли послѣ этого полагаться на заключительныя слова разговора, какъ ихъ передаетъ Бодянскій? А именно— Строгановъ, по словамъ Бодянскаго, признался, что теперь онъ лишь видитъ, что это профессоръ-декламаторъ, но не писатель, что чужое онъ очень умѣетъ передать въ приличномъ видѣ, въ формахъ привлекательныхъ и т. п., но самъ создавать, выражать созданное не въ состояніи и вообще показываетъ неумѣнье, неловкость обращаться съ перомъ". „Я, говоритъ Бодянскій,—внутренно сочувствовалъ графу Строганову, зная это давнымъ давно" [1]). Этому увѣренію Бодянскаго о его несочувствіи Грановскому—нѣтъ основанія не вѣрить.

На диспутѣ кромѣ Бодянскаго не было и Погодина, котораго его другъ Лешковъ упрекалъ за это: „Толкуемъ о сочувствіи къ университету, писалъ Лешковъ, а мало принимаемъ участія", и прибавилъ, что „собраніе было великолѣпнѣйшее и обширнѣйшее".

Свое участіе къ университету Погодинъ выразилъ тѣмъ, что далъ о диссертаціи, по выраженію Погодинскаго біографа, „ядовитый отзывъ". Ядовитость заключалась въ томъ, что Погодинъ со свойственной ему ловкостью и безцеремонностью высоко восхвалялъ талантъ Грановскаго, чтобы рѣзче осудить его дѣятельность, какъ ученаго. Погодинъ высказывалъ сожалѣніе, что въ пятнадцать (?) лѣтъ самыхъ лучшихъ для развитіи всякаго таланта русская литература не получила отъ Грановскаго ничего, кромѣ двухъ обязанныхъ, не-

[1]) Барсуковъ. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Т. X, стр. 560.

избѣжныхъ диссертацій. Между тѣмъ, заявляетъ далѣе Погодинъ: „Я имѣлъ удовольствіе прослушать двѣ—три его лекціи и прочитать разумѣется все, что написалъ онъ, и скажу рѣшительно безъ всякаго пристрастія, что это именно такой писатель, который могъ бы возбудить въ *публикѣ* участіе къ наукѣ, столько у насъ пренебреженной, наукѣ, которая отъ Цицерона названа „Учительницей жизни". Его легкость, его пріятный языкъ, его искусство выбирать занимательныя подробности, его умѣнье раздѣлять ихъ на красивыя группы, принесли бы здѣсь несомнѣнную пользу, больше всякой учености и глубокомыслія, до коихъ намъ еще далеко,—а онъ ничего не печатаетъ и ничего не издаетъ. Даже въ офиціальныхъ своихъ диссертаціяхъ, что за предметъ избираетъ онъ, какъ бы дразня своихъ читателей! Ибо, чѣмъ пріятнѣе читать ихъ, тѣмъ досаднѣе, что (онѣ) такъ незначительны или такъ общеизвѣстны". Хотя, прибавляетъ Погодинъ, книгу о Винетѣ какой-то петербургскій рецензентъ назвалъ вѣнцомъ искусства, эпохою критики".

Странность критическаго пріема, къ которому прибѣгнулъ Погодинъ, состоитъ въ томъ, что всѣ достоинства, восхваляемыя имъ у Грановскаго, именно и проявляются въ книгѣ о Сугеріи, но Погодинъ объ нихъ умалчиваетъ, или ихъ не замѣчаетъ. Какъ прекрасны, напр., строки, посвященныя убитому врагомъ графу Фландрскому: „Онъ умеръ смертью отца! Западная церковь поминаетъ ихъ обоихъ въ молитвахъ своихъ. Исторія также творитъ ему поминки: она чтитъ въ немъ мученика великихъ идей порядка и цивилизаціи, падшаго въ борьбѣ съ неукротимыми страстями поколѣній, считавшихъ общественный порядокъ несовмѣстимымъ съ ихъ личнымъ правомъ, а цивилизацію тяжкимъ гнетомъ" [1]).

Какъ замѣчательна паралель двухъ *типовъ* между высшими прелатами той эпохи, которую проводитъ Грановскій,

[1]) Соч. Грановскаго. IV изд., стр. 206.

сопоставляя аббата Сугерія съ Бернардомъ, аббатомъ монастыря Клерво!

Но не только перлами художественнаго творчества изобилуетъ диссертація Грановскаго; въ ней изъ груды фактовъ добывается творческая политическая мысль, обезсмертившая Сугерія—государственное единство подъ управленіемъ монарха вмѣсто феодальной анархіи. Грановскій указываетъ какъ „королевская власть отдѣляется отъ леннаго господства (suzeraineté) и требуетъ, хотя робко, но отъ собственнаго имени, правъ другого рода. Она выступаетъ, какъ высшая общественная власть, призванная поддерживать въ пользу всѣхъ и противъ всѣхъ справедливость и порядокъ (191). Какъ рельефно отмѣченъ для борьбы съ феодальной анархіей союзъ между монархомъ и народомъ посредствомъ ополченія прихожанъ подъ предводительствомъ священниковъ! (195). Какъ ярко изображена дальнѣйшая эволюція монархическаго, государственнаго начала въ союзѣ съ національнымъ при описаніи дружнаго взаимодѣйствія рыцарскихъ дружинъ и народнаго ополченія при отраженіи иноплеменнаго владычества!

Такимъ образомъ у читателя воочію выростаетъ при Людовикѣ VI Капетингская монархія и съ нею и въ ней *образуется французская національность*.

Рецензентъ ничего этого не замѣтилъ. Онъ не понялъ, что предъ нимъ ученое изслѣдованіе, которое не только важный вкладъ въ современную ему науку, но надолго сохранитъ свое классическое значеніе. Вмѣсто этого—что было гораздо легче—онъ поспѣшилъ похвастаться передъ авторомъ „Аббата Сугерія“ патріотической выходкой — заявленіемъ, что въ Россіи, „понятіе о единствѣ, цѣлости, началось гораздо прежде, чѣмъ на Западѣ. Оно было общее и исконное, никогда не прерывалось между князьями, духовенствомъ, воями, народами, лѣтописателями, несмотря ни на какія раздѣленія чувствовалось живо и приносило плоды“. Но все это нисколько не умаляетъ значенія аббата Сугерія

и достоинства его русскаго историка. При томъ положеніе Франціи и Россіи въ XII вѣкѣ было весьма различно. Здѣсь нужно было сплотить государство, во Франціи кромѣ того создать и самую національность. Невольно приходитъ при этомъ на память отзывъ проф. П. Г. Виноградова о Погодинѣ при описаніи Московской профессуры въ сороковыхъ годахъ: „Погодинъ былъ человѣкъ знающій, умный и хитрый, но полудикій, безъ всякаго чувства достоинства, съ весьма сомнительными нравственными взглядами. Особенно некстати было то, что онъ читалъ и всеобщую исторію. Пока онъ слѣдовалъ изложенію Герена, дѣло еще шло, но онъ пробовалъ и отдѣляться отъ него, и тогда происходило нѣчто совершенно несообразное“ [1]).

Но пусть прозвучитъ здѣсь въ видѣ примирительнаго аккорда цитата изъ Горація, приведенная Погодинымъ „во время застольной бесѣды послѣ погребенія Грановскаго и повторенная всѣми въ одинъ голосъ за говорившимъ: “ „Нѣтъ предѣла скорби и сожалѣнію о дорогомъ лицѣ!

Quis desiderio sit pudor aut modus tam *cari capitis* [2]).

Опаснѣе для Грановскаго, чѣмъ вся эта недоброжелательная критика, были слухи, принимавшіе характеръ доносовъ. По словамъ Грановскаго, въ его диссертаціи вчитывали то, чего онъ не думалъ писать. „Всѣ прежніе враги мои поднялись на ноги“. Его обвиняли въ томъ, что въ чтеніяхъ исторіи онъ никогда не упоминаетъ о волѣ и рукѣ Божіей, управляющихъ событіями и судьбою народовъ. Грановскому пришлось оправдываться передъ митрополитомъ Филаретомъ. Что обвиненія были серьезны, онъ могъ заключить изъ словъ Филарета, что „въ его дѣятельности есть что-то скрытое, въ ней будто таится не высказываемая мысль“. Искренній тонъ

---

[1]) П. Г. Виноградовъ въ статьѣ о Грановскомъ. Русская Мысль. 1893. Кн. VI. Стр. 59.

[2]) Приведено П. Н. Кудрявцевымъ въ Воспоминаніяхъ о Грановскомъ. Соч. Кудрявцева. Т. II. 541.

объясненій Грановскаго успокоилъ умнаго и опытнаго наетыря и онъ отпустилъ его съ благословеніемъ [1]).

III. Грановскій и Московское общество.

Диссертація объ аббатѣ Сугеріи доставила Грановскому степень доктора исторіи, а его товарищамъ по факультету—возможность избрать его въ деканы.

Но недовѣріе къ нему было тогда еще слишкомъ велико въ министерствѣ. Онъ не былъ утвержденъ, и на его мѣсто былъ назначенъ Шевыревъ.

Впечатлѣніе, произведенное смутами 1848 года, было еще живо. Однако это была послѣдняя побѣда противниковъ Грановскаго. Вскорѣ послѣ того Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ нему съ предложеніемъ составить программу для учебника по всеобщей исторіи, а на слѣдующихъ выборахъ въ 1854 г. Грановскій снова былъ избранъ деканомъ и на этотъ разъ утвержденъ. Но задолго до этого торжества въ университетѣ Грановскій одержалъ блистательное торжество среди Московскаго общества, гдѣ у него были недоброжелатели, не личные, правда, а идейные.

Въ Московскомъ обществѣ того времени было также два теченія, оба истекавшія изъ глубины народной жизни, изъ раздвоенія, вызваннаго сближеніемъ съ Западной Европой. Одно поэтому правильно называлось западническимъ: оно имѣло цѣлью довершить дѣло Петра Великаго. Другое продолжало ту борьбу, которую пришлось вести и Петру съ приверженцами *старины*.

Молодой профессоръ, посланный за границу, чтобы усвоить себѣ западную науку, конечно не колебался при выборѣ между этими двумя теченіями. Онъ прямо считалъ своимъ призваніемъ выступить въ русскомъ обществѣ *миссіонеромъ* западной науки.

---

[1]) А. В. Станкевичъ. Т. Н. Грановскій. 225.

Онъ выступилъ для этого 23 ноября 1843 года съ публичнымъ курсомъ въ университетѣ, который и продолжалъ по два раза въ недѣлю до весны 44-аго года.

Предметомъ своихъ чтеній Грановскій избралъ самый спорный по своему значенію для русскихъ—періодъ средневѣковой исторіи. „Онъ собирался высказать своимъ слушателямъ такія вещи, которыя онъ не рѣшился бы сказать каждому по одиночкѣ. Вообще, писалъ онъ, хочу полемизировать, ругаться и оскорблять. Елагина сказала мнѣ недавно, что у меня много враговъ. Не знаю, откуда они взялись: лично я едва ли кого оскорбилъ, слѣдовательно, источникъ вражды—въ противоположности мнѣній.“

Лекціи Грановскаго оказались *событіемъ*, по выраженію одного изъ его слушателей. Герценъ, другой его слушатель, съ восторгомъ говоритъ о нихъ въ своемъ дневникѣ. Публика была увлечена съ третьей лекціи, когда она встрѣтила оратора такими страшными рукоплесканіями, что онъ „смѣшался и долго не могъ прійти въ себя“.

Особенно важную цѣну имѣютъ для насъ отзывы объ этихъ лекціяхъ противниковъ Грановскаго. Одинъ изъ нихъ, Хомяковъ, писалъ о нихъ Веневитинову: „Лучшимъ проявленіемъ жизни Московской были лекціи Грановскаго. Такихъ лекцій, конечно, у насъ не было со времени самого Калиты, основателя первопрестольнаго града, и безспорно мало во всей Европѣ. Впрочемъ, я его хвалю съ тѣмъ большимъ безпристрастіемъ, что онъ принадлежитъ къ мнѣнію, которое во многомъ, если не во всемъ, противоположно моему. Мурмолка (вѣроятно ты знаешь, что это такое) не мѣшала намъ, мурмолконосцамъ хлопать съ величайшимъ усердіемъ, хлопать краснорѣчію и простотѣ рѣчи Грановскаго. Даже П. В. Кирѣевскій—хлопалъ не менѣе другихъ. Ты видишь, что крайности мысли не мѣшаютъ какому то добродушному Русскому единству“.

Возвращаясь въ другомъ письмѣ къ лекціямъ Грановскаго, Хомяковъ писалъ: „Одно только явленіе истинно оживило

нынѣшнюю Московскую зиму, лекціи Грановскаго объ исторіи Среднихъ Вѣковъ, и къ крайнему моему удивленію публика оказалась достойной профессора. Я не ожидалъ ни такого успѣха, ни такого глубокаго сочувствія къ наукѣ о развитіи человѣческихъ судебъ и человѣческаго ума".

Еще поразительнѣе отзывъ П. В. Кирѣевскаго потому, что онъ, по отсутствію изъ Москвы не слышалъ самъ лекцій, а передаетъ впечатлѣніе, вынесенное изъ лекцій его теткой А. П. Зонтагъ. Онъ вспоминаетъ ея „живые разсказы о блестящихъ лекціяхъ Грановскаго, о томъ сильномъ дѣйствіи, которое производило на отборный кругъ слушателей его краснорѣчіе, исполненное души и вкуса, яркихъ мыслей, живыхъ описаній, говорящихъ картинъ и увлекательныхъ сердечныхъ сочувствій ко всему, что являлось или таилось прекраснаго, благороднаго и великодушнаго въ прошедшей жизни Западной многострадальной Европы. Общее участіе, возбужденное его чтеніями, казалось мнѣ утѣшительнымъ признакомъ, что у насъ въ Москвѣ живы еще интересы литературные, и что они не выражались до сихъ поръ единственно потому, что не представлялось достойнаго случая".

Привѣтствовалъ успѣхъ Грановскаго и Ю. Ѳ. Самаринъ, находившійся тогда на Волгѣ и писавшій оттуда К. С. Аксакову: „Радуюсь успѣху Грановскаго и досадую на оплошность Погодина и Шевырева. Все, что ты говоришь по случаю рукоплесканій, я принимаю безусловно и вполнѣ сочувствую; не знаю, почему ты думалъ, что я буду противъ этого спорить" [1].

Сильное впечатлѣніе, произведенное курсомъ Грановскаго на Московское Общество, можетъ быть еще ярче обнаруживается въ раздраженныхъ отзывахъ о немъ со стороны его цеховыхъ противниковъ. Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ по поводу первой лекціи Грановскаго: „Такая посредственность, что изъ рукъ вонъ. Это не профессоръ, а нѣмец-

[1]) Русск. Арх. 1880. II. Стр. 322.

кій студентъ, который начитался французскихъ газетъ. Сколько пропусковъ, какія противорѣчія! Россіи какъ будто въ Исторіи не бывало. Ай, ай, ай! А я считалъ его еще талантливѣе другихъ. Онъ читалъ точно Псалтырь по Западѣ. И я, слушая его, думалъ объ отпорѣ. Надо начать лекціи съ того, съ чего онъ остановится, и указать Русскую точку Всеобщей Исторіи". А на слѣдующій день Погодинъ приписываетъ: „Думалъ о лекціяхъ антизападныхъ".

Съ своей стороны Шевыревъ подливалъ масло въ огонь, разсказывая Погодину про третью лекцію Грановскаго, что „христіанство въ сторонѣ".

На это отвѣтилъ вѣрный тогда Грановскому Герценъ въ своемъ „дневникѣ": „Неблагородство Словенофиловъ *Москвитянина* велико: они добровольные помощники жандармовъ. Они негодуютъ на Грановскаго за то, что онъ не читалъ о Руси, читалъ о Среднихъ Вѣкахъ въ *Европѣ*,—не толкуетъ о Православіи; негодуютъ, что онъ не стоитъ со стороны (sic) западной науки, когда восточной вовсе нѣтъ, и что будто бы мало говоритъ о Христіанствѣ вообще. Все это было бы ихъ дѣло; но они кричатъ объ этомъ такъ, что и Филаретъ началъ толковать; хотятъ печатать въ Москвитянинѣ, что онъ читаетъ по Гегелю и пр. Публика, дамы за него".

Здѣсь особенно интересенъ упрекъ, что Грановскій читалъ будто по „Гегелю". Это былъ укоръ хорошо разсчитанный. Когда Герценъ написалъ статью о курсѣ Грановскаго, желая ее помѣстить въ университетской газетѣ, „Московскихъ Вѣдомостяхъ", то попечитель, графъ Строгановъ, разрѣшилъ ее напечатать съ условіемъ, чтобы имя Гегеля не было произнесено. По напечатаніи статьи, тогдашній редакторъ газеты Е. Ѳ. Коршъ, отправилъ нумеръ къ Грановскому, который по свидѣтельству Герцена былъ такъ тронутъ, что не могъ сразу ее прочесть... „Статья сдѣлала эффектъ, всѣ довольныя! Словенофилы и яростные тоже довольны".

Но графъ Строгановъ невсегда былъ такъ снисходителенъ къ Гегелю. Когда, по окончаніи публичнаго курса,

Герценъ написалъ вторую статью о немъ, попечитель не разрѣшилъ ея напечатаніе въ университетской газетѣ. При посѣщеніи Строганова Герценъ услышалъ отъ графа, что онъ будетъ „всѣми мѣрами противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность, два разные догмата, догматъ откровенія и догматъ науки? Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе науки съ религіей; религія въ основѣ". — Въ заключеніе графъ сказалъ, что если онъ не успѣетъ другимъ образомъ, то готовъ или оставитъ свое управленіе, или закрыть нѣсколько каѳедръ.— „Вы вѣроятно назовете меня тогда варваромъ, вандаломъ". Герценъ опустилъ глаза и промолчалъ, а переданный въ дневникѣ разговоръ заключилъ словами: „Не жаль ли, что эта доблестно рыцарская натура падаетъ подъ нерѣшительностью [1]).

Неблагопріятные для Грановскаго толки, распущенные редакторами Москвитянина, заставили самого Грановскаго оправдываться передъ своими слушателями. „Обвиняютъ меня, сказалъ онъ, что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи; я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ пóтомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ; какое же право не любить его? Если бы я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, и въ нее принесъ бы ту же любовь. Далѣе, меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія; да, я ихъ имѣю и только во имя ихъ явился на этой каѳедрѣ; разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моей цѣлью". Громъ рукоплесканій и неистовое bravo, bravo! были отвѣтомъ на это оправданіе. Глядя на это, Герценъ сознавался, что у него „сердце билось и кровь стучала въ голову [2])".

[1]) Барсуковъ VII 435.

[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. VII. 116.

Читая эти строки, чувствуешь все значеніе культурнаго подвига, совершаемаго тогда Грановскимъ въ аудиторіи Московскаго университета. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать и заслугъ самого Герцена, которому мы обязаны не только свѣдѣніями объ этомъ подвигѣ, но который тогда же выступилъ публично съ такой краснорѣчивой и глубоко прочувствованной пропагандой въ пользу исторіи, что онъ становится достойнымъ сподвижникомъ Грановскаго. Говоря въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объ его курсѣ, какъ о дѣяніи поэтическомъ и свободномъ, Герценъ заявляетъ: „Въ то время, когда трудный вопросъ объ истинномъ отношеніи западной цивилизаціи къ нашему историческому развитію занимаетъ всѣхъ мыслящихъ и разрѣшается противоположно, является одинъ изъ молодыхъ преподавателей нашего университета на каѳедрѣ, чтобы передать живымъ словомъ исторію того оконченнаго отдѣла судебъ міра германо-католическаго, котораго самобытно развивающаяся Россія не имѣла. Грановскій выходитъ передъ московскимъ обществомъ не какъ адвокатъ среднихъ вѣковъ, а какъ заявитель великаго ряда событій въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества. Онъ въ правѣ требовать, чтобы, желая осуждать и отталкивать цѣлую фазу жизни человѣчества — выслушали по крайней мѣрѣ симпатическій разсказъ о ней. Въ наше время глубокое уваженіе къ народности не изъяло характера реакціи противъ иноземнаго; многіе смотрятъ на Европейское, какъ на чужое, почти какъ враждебное. Неправда такого воззрѣнія очевидна. Мы должны уважить и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ—брата, въ расторженіи—миръ; одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный Западомъ потомъ и кровью. И какою блестящей аудиторіей окружила Москва человѣка, обѣщавшаго ей передать величавую эпо-

нею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и замка, этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи. Да, московское общество самымъ лестнымъ образомъ оцѣнило приглашеніе доцента: благороднѣйшіе представители этого общества, мы говоримъ о дамахъ образованнѣйшаго круга, сѣли на скамьяхъ студентовъ и слушали... И послѣ этого говорить, что всеобщіе интересы не имѣютъ глубокихъ корней въ публикѣ! она съ необыкновеннымъ тактомъ оцѣнила всю современность живой, всенародной рѣчи объ исторіи. Въ наше время исторія поглотила вниманіе всего человѣчества, и чѣмъ сильнѣе развивается жадное пытаніе прошедшаго, тѣмъ яснѣе видятъ, что былое пророчествуетъ, что, устремляя взглядъ назадъ—мы, какъ Янусъ, смотримъ впередъ. Духъ, понимая свое достоинство, хочетъ оправдать свою біографію, освѣтить ее восходящимъ солнцемъ мысли, освободить отъ могильнаго тлѣна безсмертную душу прошедшаго, какъ то наслѣдіе его, которое не точится молью. Исторія—если не страшный судъ человѣчества [1]), то страшное оправданіе, всѣхъ—скорбящее прощеніе. Исторія—чистилище, въ которомъ мало-по-малу временное и случайное воскресаетъ вѣчнымъ и необходимымъ; тѣло смертное преображается въ тѣло безсмертное".

Съ такимъ же успѣхомъ Грановскій продолжалъ читать свой курсъ до конца. На этотъ разъ графъ Строгановъ не допустилъ появленія второй статьи Герцена о курсѣ въ университетской газетѣ, и ее пришлось печатать въ органѣ противниковъ—въ Москвитянинѣ. „Въ ушахъ моихъ еще раздается, писалъ Герценъ, дрожащій отъ внутренняго волненія, глубоко потрясенный отъ сильнаго чувства голосъ, которымъ Грановскій благодарилъ слушателей, и дружный, громкій продолжительный отвѣтъ, которымъ аудиторія прогремѣла ему свою благодарность. „Благодарю, еще разъ благо-

[1]) Слова Шиллера: Die Weltgeschichte ist das Weltgericht.

дарю тѣхъ, которые, сочувствуя мнѣ, раздѣляли добросовѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность".—Этими прекрасными словами, говоритъ далѣе Герценъ, заключилъ Грановскій свой курсъ.

Отмѣтимъ изъ общаго отчета Герцена нѣкоторыя мѣста наиболѣе характерныя для профессора и для самого референта. Герценъ заявляетъ, что Грановскій видимо развивался, читая, онъ росъ, крѣпнулъ на каѳедрѣ. Слушатели не отстали отъ него; аудиторія и доцентъ разстались друзьями, глубоко тронутые, глубоко уважающіе другъ друга, они разстались со слезами на глазахъ.

Главный характеръ чтеній Грановскаго, какъ его опредѣляетъ Герценъ—чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному; сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ, но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества—далека была отъ его науко-образнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть ихъ смыслъ. „Мнѣ кажется, говоритъ Герценъ, что именно этотъ характеръ преподаванія возбудилъ такое сильное участіе общества къ чтеніямъ Грановскаго. Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовью родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть сквозь туманныя испаренія временнаго просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т.-е. вѣчной цѣли—великое дѣло для историка".

Чрезвычайно искусно референтъ косвенно возражаетъ на

упрекъ, что Грановскій читалъ западную исторію не съ русской точки зрѣнія, доказывая, что точка зрѣнія, которой держался Грановскій, именно и есть настоящая русская точка зрѣнія.—Русскій историкъ стоитъ на почвѣ, которая ему чрезвычайно облегчаетъ объективное симпатическое воззрѣніе на Западную исторію. Незакупленная мысль наша можетъ, освѣщая средневѣковыя событія, сохранить высокій характеръ кротости и милосердія, явиться примиряющей и вселюбящей. Мы были чужды феодальной жизни Европы, мы ни наслѣдій не стяжали отъ этого времени, ни родовыхъ болѣзней. Мы цѣловальники, взятые изъ другого края, у которыхъ не можетъ быть личностей ни противъ кого, ни за кого".

Но, чтобы достигнуть такого выгоднаго положенія, говоритъ далѣе Герценъ, „недостаточно быть русскимъ, а надобно достигнуть общечеловѣческаго развитія; надобно именно быть не исключительно русскимъ, т.-е. понимать себя не противоположнымъ Западной Европѣ, а братственнымъ. Отталкивающее противоложеніе себя чему нибудь не можетъ достигнуть объяснительной точки (зрѣнія); вражда въ основѣ своей субъективна; быть въ противоположности значитъ отказаться отъ пониманія противоположнаго, потому что пониманіе есть именно снятіе противоположности".

Грановскій, справедливо замѣчаетъ далѣе Герценъ, миновалъ другой подводный камень. Величайшіе мыслители Германіи не миновали соблазна, насильственнаго построенія исторіи—это понятно: сторона спекулятивнаго мышленія была ближе ихъ душѣ, нежели живое историческое воззрѣніе. Знакомый съ писаніемъ великихъ германскихъ мыслителей, Грановскій остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе философіи исторіи, но не подчинилъ живого развитія никакой оцѣпеняющей формулѣ. Чтобы указать очевидно глубокій историческій смыслъ нашего доцента, достаточно сказать, что, принимая исторію за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ

событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенной мыслію эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій Deus implicitus, представляющій полную волю и полный разгулъ жизни".

Торжество, которое одержалъ Грановскій своимъ публичнымъ курсомъ, обнаружилось въ томъ, что вызвало попытку примиренія между западниками и славянофилами. Послѣдніе приняли участіе въ обѣдѣ, который давали Грановскому—и Ю. Ѳ. Самаринъ былъ избранъ распорядителемъ обѣими сторонами. Пиръ, по выраженію Герцена, былъ удаченъ и въ концѣ его послѣ многихъ тостовъ противники „обнялись и облобызались по-Русски съ Словенами". Характерную подробность передаетъ при этомъ Герценъ. И. В. Кирѣевскій просилъ его, чтобы онъ вставилъ въ свою фамилію *ы* вмѣсто *е* (Герцынъ) и „черезъ это сдѣлалъ бы ее больше русской для уха". Но „Шевыревъ и этого не требовалъ; напротивъ, обнимая меня, повторялъ своимъ soprano, онъ и съ *е* хорошъ, онъ и съ е русскій".

Описанное здѣсь торжество мы считаемъ высшимъ моментомъ въ жизни Грановскаго. Онъ еще два раза читалъ публичные курсы и также съ большимъ успѣхомъ: въ 1845—6 году курсъ сравнительной исторіи Франціи и Англіи и въ 1851 году свои извѣстныя четыре характеристики.

„Публичныя мои лекціи идутъ хорошо, писалъ Грановскій Фролову о лекціяхъ 1845—6 года. Публика многочисленна и внимательна. Разумѣется, есть и другія стороны: кривые толки, сплетни, клеветы, обвиненія въ томъ и другомъ. Но я уже нѣсколько привыкъ къ этому. Мнѣ кажется, что на эти мерзости приличнѣе всего отвѣчать молчаніемъ. И что за люди бо́льшая часть враговъ моихъ! Люди мелкіе душою и талантомъ. Можно ли спорить съ ними!"

Но эти курсы не имѣли и не могли имѣть по своему содержанію того принципіальнаго, боевого характера, какъ курсъ средневѣковой исторіи, гдѣ Грановскому приходилось

убѣдить отчасти предубѣжденную аудиторію, что эта исторія ей не чужда, пробудить въ Московской публикѣ сознаніе общечеловѣческихъ интересовъ и чувствъ въ западной Европѣ, чуждой древней Россіи. И Грановскому это удалось. Онъ въ своей области пробилъ окно въ Европу и осуществилъ задачу, лежащую на его каѳедрѣ и на университетѣ.

Примиреніе съ Грановскимъ славянофиловъ, которымъ закончился данный ему обѣдъ, не только свидѣтельствуетъ объ обаятельной личности и талантѣ Грановскаго, но и вызываетъ вопросъ, почему это примиреніе было такъ непрочно? Грановскій былъ слишкомъ гуманенъ, чтобы придавать излишнее значеніе нѣкоторой театральности, съ которой славянофилы старались наглядно выражать особенности своего міровоззрѣнія и поклоненія древней Россіи. Такъ, Гоголь писалъ изъ Баденъ-Бадена Языкову: „Изъ Москвы я имѣю только извѣстіе, что П. В. Кирѣевскій сшилъ себѣ кафтанъ стрѣльца по рисункамъ, которымъ очень доволенъ и ходитъ въ немъ вездѣ“. Не скрывали славянофилы и своего пристрастія къ мурмолкѣ, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма, въ которомъ Хомяковъ называетъ свою партію *мурмолконосцами*. Немалую роль играла и борода: изъ-за того, что Петръ Великій ее преслѣдовалъ, она была признана принадлежностью національной культуры и еще во время Крымской войны Ю. Ѳ. Самаринъ отзывался съ радостью о томъ, что офицерамъ ополченія было разрѣшено носить бороду; онъ усматривалъ въ этомъ залогъ того, что бородѣ снова будетъ возвращено прежнее ея національное значеніе. Съ другой стороны, сближенію могло содѣйствовать и сочувствіе, съ которымъ Грановскій относился къ зарубежнымъ славянамъ и современнымъ дѣятелямъ среди нихъ, напр. къ Шафарику, котораго онъ готовъ былъ поддерживать денежными взносами. Въ патріотизмѣ-же Грановскій не уступалъ славянофиламъ. Паденіе Севастополя заставило его „плакать“. „Будь я здоровъ, воскликнулъ онъ по этому поводу, я ушелъ бы въ милицію“.

Грановскій не избѣгалъ ихъ общества и не уклонялся отъ споровъ съ ними, которые, по выраженію Хомякова, тогда шли „шибкою рысью“. Особенно любилъ онъ бывать въ обществѣ Кирѣевскихъ, у которыхъ по опредѣленнымъ вечерамъ происходили ученыя бесѣды и читались рефераты. О братьяхъ Кирѣевскихъ онъ писалъ въ 1840 году Н. В. Станкевичу: „Я хорошо знаю слабыя стороны Кирѣевскихъ; ихъ убѣжденія не сходны съ моими; я считаю ихъ даже вредными—и въ данномъ мнѣ кругу даже борюсь съ ними. Но какъ частный человѣкъ я съ удовольствіемъ бываю у нихъ. Что ни говори—они люди образованные, мыслящіе (хотя и вкось), съ глубокими интересами и высокой честности—не въ пошломъ смыслѣ. Я у нихъ хорошо принятъ всѣмъ семействомъ, мнѣ бываетъ часто пріятно — и что же? оттого, что у людей другія мнѣнія, я долженъ разстаться съ ними? Въ этомъ, можетъ быть, было бы нѣчто высокое, но это высокое выше меня. Я не помирюсь съ нравственнымъ безобразіемъ, въ какой бы формѣ оно ни явилось; но думаю, что человѣкъ можетъ быть лучше своего мнѣнія. Я тебѣ писалъ объ Иванѣ Кирѣевскомъ; ты самъ знаешь его. Мнѣ грустно видѣть его уклоненіе отъ истины, больно видѣть его вліяніе на молодыхъ людей. Однако я уважаю въ немъ благородство и независимость характера (чего я видѣлъ доказательства), соединенныя съ теплотою души“ [1]).

Въ другомъ письмѣ Грановскій пишетъ:

„Вчера вышла смѣшная вещь: я читалъ о славянскихъ племенахъ и о трудахъ славянскихъ ученыхъ. О послѣднихъ сказалъ свое мнѣніе безъ утайки: отдалъ должную справедливость ихъ знаніямъ, трудолюбію, — но указалъ на ихъ мелко-патріотическій, ограниченный взглядъ на исторію. А въ числѣ моихъ слушателей сидѣлъ Петръ Кирѣевскій, отчаянный славянолюбецъ. „Вотъ подъ руку подвернулись“, сказалъ я ему, выходя. Смѣется и сердится. Вчера прочли

[1]) Переписка Грановскаго. 381.

отчетъ Шевырева министру, напечатанный въ Ж. М. Что за гадость! Ругаетъ Гегеля, какъ идіотъ, за то, что въ его системѣ нѣтъ Бога. Вѣдь это доносъ. Здѣсь опять высказалась прекрасная натура Ивана Кирѣевскаго. Онъ не любитъ Гегеля и возстаетъ противъ него, — но письмо Шевырева произвело въ немъ еще болѣе негодованія, чѣмъ во мнѣ. Я даже начинаю думать, что его мистицизмъ есть только моментъ: онъ теперь крѣпко занимается Гегелевою логикой и Religionsphilosophie. Признался, что это доставляетъ большое наслажденіе послѣ долгаго удаленія отъ философіи, и что Гегель величайшій человѣкъ нашего времени. Это для него большая уступка. Недавно Хомяковъ началъ витійствовать противъ Гегеля за его политическія убѣжденія, Preussenthum и т. д. Кирѣевскій отвѣчалъ ему: „это все въ примѣчаніяхъ, а не въ системѣ“. Помнишь, ты то же самое сказалъ когда-то. Меня очень обрадовала эта прямота. Вообще у меня къ нему какое-то пріязненное чувство“.

Какъ видно изъ этого, даже фатальное имя Гегеля, въ которомъ многіе видѣли врага православія, не представляло непреодолимаго препятствія къ мирному общенію между западниками и славянофилами. Грановскій даже готовъ былъ вступить въ число сотрудниковъ Москвитянина при условіи, если редакторство этого журнала пріметъ на себя И. В. Кирѣевскій, — что одно время имѣлось въ виду. Но эти планы не сбылись и попытки къ сближенію вскорѣ уступили мѣсто полному отчужденію. Разрывъ между славянофилами и западниками не лишенъ трогательныхъ чертъ. Герценъ описываетъ, какъ его однажды на улицѣ нагналъ ѣхавшій въ саняхъ Константинъ Аксаковъ. Герценъ ему поклонился. Тотъ остановилъ кучера и, подошедъ къ Герцену, сказалъ: „Вы понимаете, послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить. Жаль, жаль, но нечего дѣлать. Я хотѣлъ пожать вамъ руку“.—Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но потомъ воротился. Я стоялъ на томъ же мѣстѣ

и мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ".

Причины разрыва понятны. Но онѣ особенно характерно и справедливо опредѣлены въ одномъ письмѣ Самарина къ К. Аксакову: „Что сказать тебѣ о твоей размолвкѣ съ Герценомъ и Грановскимъ? Рано или поздно это должно было случиться. Такъ! Непреступная черта межъ нами есть, и наше согласіе никогда не было искренне, т. е. не было прочнымъ жизненнымъ согласіемъ. Вспомни, какими искуственными средствами оно поддерживалось. Многое, очень многое насъ разлучаетъ, и въ особенности, — что для насъ многое осталось святыней, въ чемъ они видятъ безжизненныхъ идоловъ. Но вотъ что мнѣ кажется: не замѣшалось ли много страсти, много личности съ той и съ другой стороны? Разрывъ былъ необходимъ, но можетъ быть въ иномъ видѣ" [2]). Чтобы оцѣнить, насколько это вѣрно, нужно припомнить тотъ пресловутый памфлетъ въ стихахъ, который былъ написанъ поэтомъ Языковымъ противъ Грановскаго:

Ты—краснорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей невѣждъ,
Ты легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ.

Вспомнимъ также другое стихотвореніе къ „не Нашимъ", въ которомъ западники заклеймены, какъ „оплотъ ученья школы богомерзкой".

Авторъ изслѣдованія: „Къ ученію о Государственности и Церковности" С. М. Лукьяновъ называетъ славянофиловъ, *идеологами перваго* періода русской исторіи". Противъ этой терминологіи мы не возражаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ воззрѣніяхъ славянофиловъ 40-хъ годовъ была своего рода идеологія. На вопросъ, поставленный имъ исторіей, какого вы царства же-

---

[2]) Барсуковъ. VII 472.

лаете, Калиты или Петра, они отреклись отъ Петра. Что же касается до обозначенія тогдашнихъ западниковъ также „*идеологами* второго періода русской исторіи", то оно требуетъ оговорокъ. Были среди нихъ и идеологи, но не всѣ были таковы. Грановскаго—*исторія*, которую онъ не даромъ восхвалялъ за то, что она даетъ чувство *дѣйствительности*, — спасала отъ идеологіи, въ которую впадали его друзья, какъ мы это увидимъ въ слѣдующей главѣ.

* * *

Почти одновременно съ разрывомъ между славянофилами и западниками стало обнаруживаться и нѣкоторое взаимное охлажденіе между членами кружка Грановскаго. Это охлажденіе выразилось въ рѣзкой формѣ во время ихъ пребыванія на дачѣ въ Соколовѣ, которое напротивъ должно было соединить ихъ тѣснѣе. Моментъ ссоры ярко освѣщенъ самимъ Герценомъ въ его „Былымъ". Поводомъ къ ней послужило одно изъ писемъ Герцена объ изученіи природы, которое Грановскій похвалилъ, оговариваясь, что онъ не согласенъ съ его матеріалистическимъ направленіемъ. Герценъ язвительно замѣтилъ, что выводы науки обязательны для человѣка независимо отъ того, нравятся ли они ему, или нѣтъ. Рѣчь шла о единствѣ тѣла и духа, исключавшемъ безсмертіе душй. Грановскій заявилъ, что лично безсмертіе ему необходимо и просилъ никогда не говорить съ нимъ объ этомъ. „Изволь, съ величайшимъ удовольствіемъ", воскликнулъ Герценъ, „чувствуя холодъ въ лицѣ". Друзья переглянулись, тутъ былъ и Огаревъ, и замолчали, сознавая, что разошлись навсегда, хотя дружескія отношенія между ними и продолжались.

Одинъ изъ біографовъ Грановскаго высказалъ по поводу вѣры въ безсмертіе, послужившей предметомъ ссоры между друзьями, мнѣніе, что „религіозныя чувства, воспитанныя въ Грановскомъ матерью, были укрѣплены въ немъ еще влія-

ніемъ жены, нечуждой нѣкотораго протестантскаго піэтизма. Позднѣе это вліяніе жены, всегда ровной и любящей, сказалось, конечно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ мягче и незамѣтнѣе оно проявлялось“ [1]). Этому неправильному освѣщенію вопроса мы противопоставляемъ отзывъ друга Грановскаго — А. В. Станкевича о женѣ Грановскаго: „Умъ ея былъ глубокій, ясный, нелегко довѣрчивый и точный. Она любила математику и продолжала заниматься ею и въ замужествѣ. Ея скорбный скептицизмъ долго не могъ принять убѣжденій мужа о безсмертіи. Грановскій говорилъ объ этомъ близкому ея другу (Е. К. Станкевичъ, жена біографа): „У нея сильный умъ, не легко уступающій, но это пріидетъ“. Только въ послѣднее время жизни оправдались надежды Грановскаго. Елизавета Богдановна Грановская не могла сообщить Грановскому упованій, которыхъ сама не имѣла“ [2]). И такъ, жена Грановскаго нисколько не была піэтисткой и не она внушила ему религіозныя вѣрованія и чувства, а наоборотъ онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи вліяніе на нее. Изъ біографіи его мы узнаемъ, что „завѣтъ безконечной любви, Евангеліе, было первою книгою, которую нашла на своемъ столѣ жена, введенная имъ въ свой домъ“ [2]).

Изъ писемъ Грановскаго можно очень ясно усмотрѣть причину, оживившую его дѣтскія, религіозныя вѣрованія это — горячая любовь, не позволявшая ему примириться съ мыслью о вѣчной разлукѣ съ лицами, которыя ему были дороги. Изъ отцовскаго дома въ деревнѣ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ умерли его сестры, Грановскій писалъ женѣ въ 1844 году: „Неужели это не сонъ и ихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе! Я былъ у Саши на могилѣ, она лежитъ рядомъ съ маменькой. Я много плакалъ. Но помириться съ мыслью о ихъ кончинѣ, привыкнуть къ этой мысли мнѣ невозможно.

---

[1]) Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій. 1. изд. 1897, стр. 237.
[2]) Изъ рукописной замѣтки, оставленной мнѣ А. В. Станкевичемъ.
[3]) Т. Н. Грановскій. А. В. Станкевичъ. Стр. 201.

Онѣ были такъ нужны для меня. Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ, я беру съ собою всякое горе на всю жизнь. Станкевичъ, сестры, они для меня ежедневно умираютъ снова. Но въ этомъ нѣтъ того, что Герценъ называетъ моимъ романтизмомъ. Это постоянное, глубокое настроеніе души моей...“ Письмо заключается словами: „Не будь же грустна, моя Лиза. Есть другая жизнь, безъ разлуки!“

Согласно съ этимъ Грановскій и въ одномъ изъ писемъ къ Огареву пишетъ: „Когда я пріѣхалъ изъ Берлина, я не нуждался въ jenseits... Умеръ Станкевичъ, умерли сестры, и jenseits стало какимъ-то постулатомъ для меня [1]).“

Кромѣ внутренней потребности вѣра въ безсмертіе поддерживалась у Грановскаго примѣромъ людей, которыхъ онъ особенно уважалъ. Въ этомъ отношеніи поучителенъ разговоръ, который онъ имѣлъ съ своимъ будущимъ біографомъ во время прогулки съ нимъ въ іюльскій вечеръ 1855 года, за 3 мѣсяца до своей смерти. Грановскій говорилъ о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ. Онъ вспоминалъ между прочимъ, что Гумбольдтъ, глубоко любившій жену свою, переживъ ее, вѣрилъ въ свиданіе съ нею за гробомъ. Грановскій при этомъ вспоминалъ также и воззрѣніе Гёте на безсмертіе, высказанное имъ въ разговорахъ съ Экерманомъ. „Для меня, продолжалъ Грановскій, относительно подобныхъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей. Для меня это отдѣльные огоньки, изъ которыхъ въ будущемъ загорятся новыя вѣрованія для человѣчества. Я знаю, въ настоящее время человѣчество будто успокоилось на счетъ подобныхъ вопросовъ, но вѣдь это ничего не значитъ: оно успокоивалось уже не разъ“.

Религіозность Грановскаго выражалась и въ томъ, что ему было не по душѣ всякое рѣзкое отрицаніе или глумленіе надъ религіозными убѣжденіями другихъ. Грановскій

[1]) Исторія Молодой Россіи Гершензона, стр. 230.

проявляетъ это чувство въ своихъ университетскихъ курсахъ и распространяетъ его даже на отрицателей языческой религіи. Проводя напр. параллель между Лукіаномъ и Вольтеромъ, Грановскій въ своемъ курсѣ 1845—6 годовъ, т.-е. прочтенномъ въ самый годъ разрыва, говоритъ: „Ихъ дѣятельность, средства и цѣль были совершенно одинаковы— разрушать прошедшее, не заботиться о будущемъ. Въ ядовитой насмѣшкѣ Лукіана есть нѣчто оскорбляющее насъ, обратившихся въ болѣе высокихъ, спокойныхъ разсматривателей древности. Мы смотримъ на Лукіана, какъ на великаго бойца, вышедшаго для окончательнаго сокрушенія древней жизни. Мы не должны впрочемъ удивляться ему (admirer). Между тѣмъ, какъ онъ сокрушалъ древнее, онъ не понималъ настоящаго и будущаго. Христіанство уже возникло во всей красотѣ и силѣ своей. Онъ и надъ нимъ смѣялся".

Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу издатель этого курса П. Н. Милюковъ. Симпатіи Грановскаго не могли принадлежать „чисто отрицательному направленію". „Онъ всецѣло переноситъ эти симпатіи на то, что онъ считаетъ положительнымъ элементомъ дряхлѣющаго міра, на философію и религію".

Отрицая въ Грановскомъ личную религіозность, г. Вѣтринскій приводитъ слова Грановскаго въ письмѣ къ невѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что благодаря ей къ нему вернулись религіозныя чувства, внушенныя ему матерью. Смыслъ этихъ словъ не тотъ, какой ему даетъ г. Вѣтринскій. Странно было бы думать, что 17-лѣтняя дѣвушка, ставъ невѣстой, принялась бы тотчасъ на подобіе Gretchen за обращеніе жениха-профессора и вызвала этимъ его благодарность. Но Грановскій свидѣтельствуетъ въ приведенныхъ словахъ, что въ счастьѣ, которое онъ нашелъ въ любви къ невѣстѣ, его сердце стало снова доступно обаянію религіознаго чувства. Эта ошибка г. Вѣтринскаго повлекла за собою еще другое съ его стороны заблужденіе. Стараясь объяснить подчиненіе Грановскаго мнимому вліянію невѣсты, біографъ

приписываетъ ему натуру *пассивную*, какъ будто религіозность есть удѣлъ только *пассивныхъ* натуръ и какъ будто исторія религій бѣдна примѣрами самыхъ энергическихъ религіозныхъ дѣятелей! Легенда о религіозномъ вліяніи жены Грановскаго была тотчасъ же опровергнута въ замѣткѣ Б. Н. Чичерина на книгу г. Вѣтринскаго. Тамъ же Чичеринъ, ученикъ, близко стоявшій къ Грановскому, опровергалъ и обвиненіе Грановскаго въ пассивности. „Въ живомъ, общительномъ, одаренномъ потребностью дѣятельности и вліянія характерѣ Грановскаго, въ его возвышенномъ и всестороннемъ пониманіи вещей, доселѣ никто, ни знавшіе его лично, ни писавшіе о немъ, не замѣчали ни малѣйшаго признака пассивности“ [1]). Но несмотря на это немедленное опроверженіе обѣ легенды и о женѣ піэтисткѣ, и о пассивности Грановскаго, перешли въ другія біографіи Грановскаго:— въ „Исторію одной дружбы“ и въ „Исторію Молодой Россіи“ М. О. Гершензона 1908 г.

Оба названные біографа, какъ бы сами сомнѣваясь въ удовлетворительности объясненія религіозности Грановскаго внушеніемъ жены прибавили къ этому еще *психологическое* объясненіе—(пассивность характера). Пріемъ совершенно правильный, но разгадку слѣдовало искать не въ случайной, при этомъ невѣрно намѣченной чертѣ характера, а на почвѣ общечеловѣческой психологіи. Исторія намъ показываетъ, что привязанность къ умершимъ была всегда, помимо религіи, однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ вѣры въ безсмертіе души.

И по другому еще вопросу біографія г. Вѣтринскаго нуждается въ поправкѣ—а именно, по вопросу о ссорѣ между профессорами Кавелинымъ, Рѣдкинымъ и Грановскимъ съ одной стороны и профессоромъ римскаго права Крыловымъ съ другой. „Исторія этой ссоры, замѣчаетъ г. Вѣтринскій, производитъ тяжелое впечатлѣніе: люди, представлявшіе со-

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ. Вопросы Философіи 1903 г.

бою цвѣтъ интеллигенціи всей страны, расходились, ссорясь другъ съ другомъ, какъ начинаютъ ѣсть другъ друга пауки, посаженные въ стклянку" (236).

Помимо неумѣстности приведеннаго сравненія приходится и самое сужденіе о причинѣ ссоры признать поверхностнымъ. Виновникомъ ея былъ умный и талантливый профессоръ Крыловъ, вызвавшій негодованіе своихъ товарищей безобразной выходкой противъ своей жены, на сестрѣ которой былъ женатъ Кавелинъ, и подозрѣніемъ въ полученіи взятки съ богатаго студента. Нужно помнить, какой больной вопросъ представляло собою взяточничество въ тогдашней Россіи, чтобы справедливо оцѣнить поступокъ профессоровъ, рѣшившихъ не служить вмѣстѣ со взяточникомъ. Что касается до Грановскаго, то его побудила присоединиться къ нимъ его тѣсная дружба съ Кавелинымъ и Коршемъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ Крыловъ—и въ особенности его очень высокое представленіе о моральномъ значеніи чувства чести. Къ счастью, Московскій университетъ изъ-за этой исторіи не лишился Грановскаго, такъ какъ срокъ его обязательной службы въ возмѣщеніе за заграничную командировку не истекъ, и онъ не могъ получить просимой отставки.

Между тѣмъ разрывъ между Грановскимъ и Герценомъ, представителями этическаго и матеріалистическаго настроенія, продолжался. Къ разногласію по религіозному вопросу присоединилось другое, вызываемое политическими и соціалистическими движеніями на Западѣ. Грановскій былъ въ восторгѣ отъ „Записокъ доктора Крупова" и въ самыхъ горячихъ словахъ выражалъ это ихъ автору. Но онъ не былъ въ состояніи слѣдовать за нимъ во всѣхъ его увлеченіяхъ. Въ этомъ случаѣ г. Вѣтринскій справедливъ къ Грановскому. „Время показало, говоритъ онъ, что въ скептическомъ отношеніи къ предстоявшему перевороту, какъ ожидали до 1848 года, былъ правъ Грановскій. Впослѣдствіи Герценъ, почти наканунѣ смерти, въ „письмахъ къ старому

товарищу“ (Бакунину) со спокойною скорбью признавалъ свою ошибку [1]).

Революціонная буря 1848 года расширила пропасть между бывшими друзьями. Втянутый за границей въ кружки космополитической революціи, Герценъ утратилъ связь съ русской дѣйствительностью, и это еще болѣе содѣйствовало взаимному отчужденію друзей. Грановскій наоборотъ именно въ тяжелые годы реакціи былъ призванъ министерствомъ народнаго просвѣщенія къ практической дѣятельности на поприщѣ школьной педагогіи—ему было поручено составить программу преподаванія всеобщей исторіи. И въ то самое время, когда во Франціи происходила попытка замѣнить вѣковую монархію республикой, Грановскій изучалъ по древней хроникѣ монастыря св. Діонисія, какъ аббатъ этого монастыря, Сугерій, положилъ начало французской монархіи и ея торжеству надъ феодальной анархіей, и этотъ трудъ очевидно не остался безъ вліянія на русскаго историка. Если Грановскій былъ несогласенъ съ Шевыревымъ, что исторія Западной Европы должна быть читана съ особой русской точки зрѣнія, какъ ее понималъ этотъ противникъ „гніющаго Запада“, то съ другой стороны Грановскій ставилъ и иностраннымъ учебникамъ въ упрекъ, что они показываютъ только темную сторону Византіи и не обращаютъ вниманія на живое религіозное начало, которое оттуда перешло къ славянскимъ народамъ. „Столько же неудовлетворительно, продолжаетъ Грановскій, оцѣнена и объяснена въ историческомъ развитіи своему *монархическая* форма правленія“. Указавъ на то, что въ этомъ отношеніи грѣшатъ, какъ писатели либеральной школы, такъ и составители учебниковъ, враждебные либерализму, Грановскій продолжаетъ: „Въ большей части изъ нихъ видно не живое и глубокое пониманіе монархическаго начала, не основательное опроверженіе противоположныхъ теорій, а намѣреніе обмануть ученика, скрывъ отъ него или

[1]) Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій. 1897, стр. 244.

представивъ въ ложномъ видѣ факты важные, но не подходящіе подъ точку зрѣнія автора. Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросла наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ. Это начало должно быть достойнымъ образомъ раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что русское самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облекалась въ другихъ странахъ".

„Между тѣмъ какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ самодержавіе наложило свою печать на всѣ важныя явленія русской жизни; мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство отъ Іоанновъ, образованіе отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ отъ его преемниковъ".

Такое признаніе великой исторической роли монархіи въ Россіи со стороны Грановскаго высказано имъ не только въ запискѣ о преподаваніи исторіи, а проявляется нерѣдко въ самыхъ интимныхъ письмахъ. Такъ, еще за два дня до смерти онъ пишетъ Кавелину, на трудъ котораго по русской исторіи онъ возлагалъ большія надежды: „Со всѣхъ сторонъ бѣда; не хорошо и снаружи и внутри, а ни общество, ни литература не отзываются на это положеніе разумнымъ словомъ. Московское общество страшно возстаетъ противъ правительства, обвиняетъ его во всѣхъ неудачахъ и притомъ обнаруживаетъ, что стоитъ несравненно ниже правительства въ пониманіи вещей".

Справедливо говоритъ поэтому о немъ его другъ послѣднихъ лѣтъ: „Русское общество въ эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ Грановскій, въ его горячемъ сочувствіи къ лучшимъ благороднѣйшимъ цѣлямъ человѣка, было наклонно видѣть исключительно либеральное направленіе, видѣть въ самомъ

Грановскомъ по преимуществу либерала и поборника свободъ. Несомнѣнно, что Грановскій любилъ свободу, но ему были дороги также и всѣ другія начала и цѣли гражданскаго и политическаго общества. Ему были дороги всѣ интересы и успѣхи человѣка, всѣ условія его развитія, все, въ чемъ выражается его сознаніе духа и природы—религія, искусство, наука. Любовь къ свободѣ не затемнила въ его глазахъ значенія власти для цѣлей общественной судьбы человѣка". Эта глубоко вѣрная характеристика должна служить ключемъ и къ важному вопросу объ отношеніяхъ Грановскаго къ увлеченію современной ему демократической пропагандой. „Грановскій видѣлъ въ новой исторіи стремленіе народныхъ массъ къ участію въ умственной и политической жизни обществъ, въ пользованіи плодами цивилизаціи, участію, невозможному для тѣхъ, на чью долю достается только трудъ безъ досуга для образованія, для пріобрѣтенія знанія, для наслажденія искусствомъ. Грановскій готовъ былъ признать право за ними, но онъ спрашивалъ, обѣщаетъ ли ихъ шумное появленіе на сценѣ исторіи новое общество, сообразное требованіямъ просвѣщенной, независимой личности? Торжество массъ не будетъ ли гибелью лучшихъ плодовъ цивилизаціи, какъ вторженіе варваровъ сгубило древнюю? А въ глазахъ Грановскаго цивилизація, просвѣщеніе были не роскошью, не утонченнымъ наслажденіемъ меньшинства, но необходимой высокой цѣлью жизни человѣчества".—Эти слова біографа, знакомаго съ самыми интимными мыслями своего друга [1]), должны быть принимаемы нами, какъ непосредственные отзывы самого Грановскаго; тѣмъ болѣе, что они подтверждаются собственной формулой Грановскаго, высказанной имъ еще до революціи 1848 года, въ 1847 году въ полемической статьѣ противъ романтическаго культа массы со стороны славянофиловъ. Тогда Грановскій писалъ: „Многочисленная партія подняла знамя народныхъ преданій и величаетъ

[1]) А. Станкевичъ: Т. Н. Грановскій. Изд. II. Т. I, 218.

ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума". „Массы, говоритъ въ противовѣсъ этому мнѣнію Грановскій, какъ природа, безсмысленно жестоки, или безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ *разложеніи массъ мыслью* заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій *личность* и сообразное требованіямъ такой личности общество".

Эти замѣчательныя по своей глубинѣ и важности слова, брошенныя какъ-бы мимоходомъ въ укоръ славянофиламъ, составляли также водораздѣлъ между Грановскимъ и его радикальными друзьями, Герценомъ и Огаревымъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ статей, написанныхъ въ ознаменованіе столѣтняго юбилея рожденія Грановскаго, этой весною—эти слова высоко оцѣнилъ только П. Н. Милюковъ [1])—насколько намъ извѣстно—и поставилъ ихъ въ центръ своей характеристики юбиляра. Но такое воззрѣніе на массы должно было далеко разъединить Грановскаго съ Герценомъ, который немного времени спустя, окруженный космополитическими революціонерами, поддерживалъ ихъ упованія указаніемъ на русскую сельскую *коммуну* [2]).

Съ точки зрѣнія вышеуказаннаго идеала Грановскаго становится понятнымъ его неудовольствіе публицистической дѣятельностью его бывшаго друга, неудовольствіе, проявившееся въ предсмертномъ письмѣ Грановскаго къ Кавелину: „Пикулинъ воротился изъ-за границы и привезъ многое и много разсказовъ о нашемъ пріятелѣ, у котораго прогостилъ

---

[1]) Въ газетѣ Рѣчь отъ 9 марта 1913 г.

[2]) Et la Russie a la Commune, заявленіе, сдѣланное Герценомъ въ Парижѣ, въ собраніи вождей тогдашней интернаціональной демократіи—по свидѣтельству присутствовавшаго А. В. Станкевича, которому Герценъ при этомъ сказалъ по русски—„имъ все можно сказать".

2 недѣли. Утѣшительнаго и хорошаго мало. Личность осталась та же, нестарѣющая, горячая, благородная, остроумная, но дѣятельность ничтожная и пониманіе вещей самое дѣтское. Для изданія такихъ мелочей не стоило заводить типографію. Сотрудники у него настоящіе ослы, не знающіе ни Россіи, ни русскаго языка. Если бы эти жалкія произведенія и проникли къ намъ, то конечно не вызвали бы ничего кромѣ смѣха и досады. Его собственныя статьи напоминаютъ его остроумными выходками и сближеніями, но лишены всякаго серьезнаго значенія. И что за охота пришла человѣку разыгрывать передъ Европой роль московскаго славянофила, клеветать на Петра Великаго и увѣрять французскихъ réfugiés въ существованіи сильной либеральной партіи въ Россіи. У меня чешутся руки отвѣтить ему печатью въ его же изданіи (которое называется Полярной Звѣздою). Не знаю, сдѣлается ли это? Представь себѣ, что при всемъ томъ Александръ Ивановичъ мечтаетъ о возвратѣ въ Россію и даже хотѣлъ въ слѣдующемъ году прислать сына въ Московскій Университетъ. [1])

Изъ приведеннаго выше разсказа видно, что сцена въ Соколовѣ имѣла гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ конецъ „одной дружбы“. Эта сцена имѣла симптоматическое значеніе. Она знаменуетъ собою новый расколъ въ русскомъ обществѣ, расколъ болѣе глубокій, чѣмъ распря между „славянофилами“ и „западниками“. Мы присутствуемъ при возникновеніи новыхъ теченій русской жизни въ сторону—идеализма, который олицетворялъ собою Грановскій и матеріализма, которому отдался Герценъ въ своемъ признаніи, что, онъ, прочитавъ первыя страницы книги Фейербаха — das Wesen des Christenthums, вспрыгнулъ отъ радости и воскликнулъ: „Долой маскарадное платье, прочь косноязычіе и иносказаніе, мы свободные люди, а не рабы, не нужно намъ облекать истину въ миѳы“.

---

[1]) Отъ 2 Октября 1855 г., т.-е. за 2 дня до смерти.

Грановскій же остался вѣренъ той философіи, которая осмыслила ему міръ и исторію человѣчества—и которую такъ высоко цѣнилъ до этого и самъ Герценъ. Для Грановскаго, какъ для Гегеля, *духъ* былъ не *миѳъ*, а живая сила въ исторіи человѣчества, изученію которой онъ посвящалъ себя. Что же онъ извлекъ изъ этого изученія?

IV. Грановскій на каѳедрѣ Исторіи.

Въ началѣ нашего очерка мы указывали на то, какъ усиленно Грановскій занимался философіей въ Берлинѣ, тогдашнемъ центрѣ *гегеліанства*. Какое же вліяніе имѣли эти занятія на его представленія объ исторіи, на его преподаваніе?—Для рѣшенія этого вопроса мы располагаемъ двумя источниками—его университетскими курсами и его рѣчью, произнесенной на университетскомъ актѣ 1852 года—„О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи".

Интересъ Грановскаго къ философской сторонѣ своего предмета сохранился у него до конца и выражался въ общихъ введеніяхъ, которыя онъ обычно предпосылалъ каждому курсу. Еще послѣдніе слушатели Грановскаго имѣли счастье слышать начало такого введенія, оборвавшагося за смертью Грановскаго, на лекціи объ историческихъ *идеяхъ* Гердера. Лекціи Грановскаго, какъ извѣстно, не изданы; онѣ сохранились только въ запискахъ его слушателей, не дающихъ, какъ всякія подобныя (не стенографическія) записи, полнаго и точнаго воспроизведенія взглядовъ автора, но дозволяющія *уловить* его мысли [1]). Между взглядами Грановскаго, установленными такимъ путемъ, и содержаніемъ его рѣчи 1852 года—*существенное* различіе, вызывающее желаніе, по возможности, раскрыть *эволюцію* воззрѣній Грановскаго на исторію, обусло-

[1]) Обзоръ извѣстныхъ до сихъ поръ рукописныхъ курсовъ Грановскаго разныхъ годовъ только что составленъ М. Н. Коваленскимъ въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ „Минувшіе Годы".

вленную ходомъ и опытомъ его преподавательской дѣятельности. Исходнымъ пунктомъ такого обзора воззрѣній Грановскаго долженъ послужить первый читанный имъ въ Москвѣ университетскій курсъ 1839—40 года. Такимъ пособіемъ мы до сихъ поръ не располагаемъ. Но въ Историческомъ Музеѣ находилось „нѣсколько тетрадей", которыя проф. Виноградовъ призналъ частью „составленнаго самимъ Грановскимъ *конспекта*" этого курса, называя въ другомъ мѣстѣ своей статьи этотъ конспектъ *собственноручнымъ* [1]).

Провѣрить это сличеніемъ почерка рукописи съ подлиннымъ почеркомъ Грановскаго было мнѣ, къ сожалѣнію, невозможно, такъ какъ самой рукописи въ настоящее время нѣтъ болѣе въ Музеѣ, и въ Петербургѣ, куда она повидимому попала съ другими рукописями, напасть на слѣдъ ея мнѣ также не удалось. Въ настоящую минуту вопросъ, составленъ ли такъ называемый конспектъ самимъ Грановскимъ и написанъ ли имъ самимъ, или же это запись кого-нибудь изъ слушателей Грановскаго, приходится пока оставить открытымъ, но это не должно остановить насъ отъ дальнѣйшихъ заключеній. Кромѣ конспекта въ Историческомъ Музеѣ оказалась въ 1895 году рукопись курса 1843—4 г., записанная тогдашнимъ студентомъ К. К. Герцемъ, впослѣдствіи профессоромъ исторіи искусства въ Москвѣ — человѣкомъ весьма обстоятельнымъ и до мелочей аккуратнымъ. Изъ введенія къ этому курсу проф. Виноградовъ напечаталъ шесть небольшихъ отрывковъ, параллельныхъ соотвѣтствующимъ мѣстамъ конспекта. Ихъ аналогія, а иногда буквальное тождество, убѣждаютъ насъ, что и такъ называемый конспектъ представляетъ собою отрывокъ изъ введенія къ курсу Грановскаго, и что мы можемъ пользоваться имъ, какъ историческимъ документомъ, для исторіи мысли Грановскаго. Какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ,

---

[1]) Замѣтка пр. Виноградова объ этомъ конспектѣ и самый текстъ напечатаны въ Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Кіевскаго университета въ 1895 году. Стр. 308—324.

Грановскій былъ очень разочарованъ *философіей исторіи* самого Гегеля, вышедшей въ изданіи Ганса въ 1837 году, и въ своемъ первомъ университетскомъ курсѣ прямо назвалъ ее *слабымъ* произведеніемъ. Но это нисколько не побудило Грановскаго отказаться въ принципѣ отъ философіи исторіи и признать ложнымъ путь, по которому пошелъ Гегель. Напротивъ, въ введеніи къ курсу 1839—40 г. Грановскій вполнѣ одобряетъ исходную точку философіи Гегеля, установленную Шеллингомъ въ его философіи „тождества" и положенную Гегелемъ въ основаніе своей философіи.

Объясняя самое понятіе „тождества", Грановскій говоритъ въ своемъ курсѣ: „Простое начало, на которомъ основана „Философія Исторіи", есть согласіе зримаго съ незримымъ, природы съ духомъ, тождество реальнаго съ идеальнымъ, бытія съ мышленіемъ. Это только двѣ стороны одной сущности, вышедшія изъ одного корня—изъ абсолютнаго, или *понятія* (der Begriff въ смыслѣ, какой придается этому термину Гегелемъ), это—само абсолютное, открывающее себя въ *явленіи*; оно осуществляетъ (себя) и составляетъ зиждительную силу исторіи и природы; субъективный *духъ* и *міръ* подчинены одному закону, совершаютъ одинъ и тотъ же процессъ развитія. Одно отражается, какъ въ зеркалѣ, въ другомъ".

Но несовершенное не можетъ быть полнымъ выраженіемъ совершеннаго. По Гегелю только сознающій себя внутренно духъ обладаетъ полнымъ и яснымъ уразумѣніемъ Исторіи и Природы; онъ узнаетъ въ ней (въ Исторіи) свою сущность, собственную свою исторію, какъ онъ изъ темной глубины сознанія постепенно чрезъ различныя формы мышленія достигаетъ до полнаго самосознанія. Извлечь изъ глубины этого, стоящаго выше всякаго опыта, самосознанія общія понятія, лежащія въ основаніи историческихъ явленій — разумное, существенное, съ ихъ внутреннею, логическою необходимостью; показать, что случившееся должно было случиться по внутрен-

нему логическому закону, оправдать исторію — вотъ задача философіи исторіи".

Для лучшаго уразумѣнія этого существеннаго опредѣленія философіи исторіи въ курсѣ 1839—40 г. сопоставимъ съ нимъ аналогическій отрывокъ изъ курса Грановскаго 1843—4 г., записаннаго Герцемъ: „Философія исторіи, какъ понимаютъ ее современники, истекаетъ изъ философіи *тождества*, этого великаго завоеванія, сдѣланнаго нашимъ вѣкомъ. Основныя положенія философіи тождества заключаются въ единствѣ законовъ духа и внѣшней природы, въ единствѣ субъективнаго духа съ окружающимъ міромъ. Это единство, разгаданное вполнѣ только въ наше время и философски утвержденное, было предчувствуемо и прежде и прилагалось къ исторіи человѣчества вообще и къ исторіи человѣка въ отдѣльности. Аналогія, существующая между развитіемъ человѣка въ отдѣльности и исторіи человѣчества вообще съ явленіями внѣшней природы, предугадываемая прежде, вошла теперь въ число истинъ, навсегда пріобрѣтенныхъ. Духъ узналъ себя въ исторіи; субъективный духъ прочелъ свою собственную исторію въ исторіи цѣлаго человѣчества и черезъ это получилъ ключъ къ уразумѣнію исторіи природы."

„Задача философіи исторіи заключается въ наше время въ отысканіи вѣчныхъ, не подлежащихъ никакому опыту началъ, лежащихъ въ глубинѣ нашего духа. Эти законы, по которымъ развивается субъективный духъ, надо указать и въ исторіи. Съ перваго взгляда это кажется труднымъ, но, смотря на исторію разумно, увидимъ, что въ ней господствуетъ то-же органическое развитіе, та-же послѣдовательность моментовъ, которая является въ правильномъ развитіи каждаго человѣка. Аналогіи между исторіей развитія отдѣльнаго человѣка и человѣчества никогда не должно терять изъ виду. На ней основана идея *органическаго развитія*, благотворная идея для всѣхъ наукъ, измѣнившая совершенно науку филологическую".

Но, отводя философіи руководящую роль въ исторіи, Гра-

новскій отстаиваетъ въ то-же время независимость исторіи. Онъ говоритъ тамъ же: „Историки возстали противъ этихъ идей, отчасти вслѣдствіе заносчивости, съ какою философы прилагали ихъ, отчасти вслѣдствіе уваженія къ собственной наукѣ. Она не должна вступать на службу системы, еще не побѣдившей всѣхъ противорѣчій, еще находящейся въ борьбѣ. У Исторіи, какъ и у Философіи, есть опредѣленная собственнымъ понятіемъ граница, за которую она не должна переходить. Ея содержаніе составляютъ факты, данные опытомъ, опредѣленные обстоятельствами: ея форма не есть чистая, отвлеченная мысль, а живое созерцаніе. Конечно, всеобщая исторія должна восходить отъ отдѣльныхъ явленій къ общему, къ неизмѣнному, къ закону; но она идетъ путемъ обыкновеннаго размышленія, и только то, что въ ней самой открывается, имѣетъ въ ней мѣсто. Подобно естественнымъ наукамъ она должна ограничиться наблюденіемъ однообразно повторяющихся случаевъ и выводомъ закона или общаго правила“.

Однако Грановскій въ своемъ курсѣ 1839—40 года не причисляетъ себя къ историкамъ *возстающимъ* противъ вліянія философіи. Онъ не только указываетъ на то, что исторію невозможно охранить отъ чуждыхъ вліяній, но и приходитъ къ выводу, что „философія стала необходимымъ пособіемъ для исторіи“ и, перечисляя заслуги, оказанныя философіей исторіи, находитъ, что философія дала исторіи — направленіе къ всеобщему, усилила ея средства и обогатила ее идеями, которыя изъ самой исторіи не могли скоро развиться.

Еще выше цѣнилъ Грановскій значеніе философіи въ своемъ курсѣ 1843—4 года. Задача философіи исторіи, говоритъ онъ здѣсь, заключается въ наше время въ отысканіи вѣчныхъ, не подлежащихъ никакому опыту началъ, лежащихъ въ глубинѣ нашего духа. Эти законы, по которымъ развивается субъективный духъ, надобно указать и въ исторіи. Съ перваго взгляда это кажется труднымъ, но, смотря на

исторію разумно, увидимъ, что въ ней господствуетъ то-же органическое развитіе, та-же послѣдовательность моментовъ, которая является въ правильномъ развитіи каждаго человѣка. Аналогіи между исторіей развитія отдѣльнаго человѣка и человѣчества никогда не должно терять изъ виду. На ней основана идея органическаго развитія, благотворная идея для всѣхъ наукъ, измѣнившая совершенно науку филологическую“ [1]).

Аналогія между жизнью отдѣльнаго человѣка и человѣчества, признавалась искони. Мы находимъ ее еще у первыхъ христіанскихъ писателей и у Августина [2]). Но тамъ эта аналогія приводила только къ печальнымъ выводамъ относительно судьбы человѣчества. На эту аналогію ссылались средневѣковые пессимисты, утверждавшіе, что человѣчество переживаетъ пору дряхлости (aetas decrepita).

Современная Грановскому философія приводила къ противоположнымъ выводамъ. На ней основывали идею органической, т. е. самобытной изнутри, живой эволюціи.

Замѣчательно, что уже въ курсѣ 1839 года есть указаніе, что плодотворная идея органической жизни „взята изъ естествознанія“. Но въ курсѣ 1843 года указывается на существенное различіе между проявленіемъ ея въ природѣ и въ исторіи. „Въ природѣ она обнаруживается въ вѣчномъ, однообразномъ круговращеніи; тамъ постоянно возобновляется одинъ и тотъ же процессъ силъ и постоянно разрѣшается въ одномъ результатѣ. Въ исторіи этого нѣтъ. Здѣсь процессъ совершается безпрерывно, надъ новыми предметами, одинъ результатъ несходенъ съ другимъ, каждый новый результатъ становится точкой исхода для новой борьбы, одна сила смѣняетъ другую и на время становится представительницей народнаго духа“. Здѣсь слово народный нужно понимать въ смыслѣ *національный*, ибо рѣчь идетъ о внутреннемъ раз-

---

[1]) Буквально какъ въ курсѣ 1839—40 г.

[2]) См. Бл. Августинъ В.И. Герье Гл. VI. Философія исторіи Августина.

витіи каждаго отдѣльнаго народа. „Съ точки зрѣнія органическаго развитія, читаемъ мы въ курсѣ 1843 года, народъ является не аггрегатомъ лицъ, соединенныхъ случайностью, гнетомъ внѣшнимъ, договоромъ, какъ принималось прежде: въ XIX столѣтіи онъ является органическимъ цѣлымъ, системою живыхъ силъ, надъ которыми господствуетъ и которыя соединяетъ одна главная сила—народный духъ. До этого народнаго духа, до этихъ живыхъ силъ, которыя составляютъ характеръ народный, въ особенности до таинственной ихъ сущности, до сокровеннѣйшихъ началъ ихъ, такъ-же трудно дойти, какъ до сокровенныхъ началъ растенія. Этотъ народный духъ выходитъ на солнце исторіи. Откровеніе его: дѣла народа, учрежденія, искусства, которыя въ то же время суть живые дѣятели исторіи".

На это опредѣленіе народнаго духа у Грановскаго могло повліять и ученіе Савиньи, котораго онъ слушалъ въ Берлинѣ. Но непосредственное вліяніе философіи исторіи Гегеля въ курсѣ 1843 года усматривается тамъ, гдѣ Грановскій признаетъ смѣну народовъ въ исторіи. „Одинъ народъ смѣняетъ другой на поприщѣ всемірно-исторической жизни, дѣлаясь наслѣдникомъ всѣхъ умственныхъ сокровищъ, накопленныхъ предшествовавшими поколѣніями. Эти умственныя сокровища становятся сѣменами новой цивилизаціи, которую народъ долженъ развить и въ свою очередь передать поколѣніямъ грядущимъ". Оговорившись, что въ этой сферѣ остается еще много разслѣдовать, Грановскій однако заявляетъ, что нельзя „не вѣрить въ таинственную жизнь, связующую народы чуждые, не соединенные внѣшними обстоятельствами. „Грановскій говоритъ по этому поводу о смерти всемірно-историческаго народа и о томъ, что „тогда на сценѣ исторіи является новый народъ, ничѣмъ не связанный съ предъидущимъ, и осуществляетъ тѣ формы и потребности, къ которымъ безплодно стремился его предшественникъ". Въ введеніи къ курсу 1843 года встрѣчается даже одно мѣсто, которое свидѣтельствовало бы о сильномъ вліяніи метафизи-

ческой подкладки философіи Гегеля на Грановскаго еще въ *то* время, если бы мы могли быть увѣрены, что оно вѣрно записано: „Такимъ образомъ въ исторіи осуществляется прогрессъ *логическихъ* идей отъ неопредѣленнаго абстрактнаго бытія до живого понятія".

* * *

На совершенно иную точку зрѣнія по отношенію роли философіи въ исторіи становится Грановскій въ своей актовой рѣчи 1852 года—„О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи".

Здѣсь въ заботѣ о самостоятельности исторіи, какъ науки, Грановскій тщательно оберегаетъ ее отъ всякихъ поползновеній со стороны философовъ и ихъ логическихъ построеній: „Съ конца прошедшаго столѣтія, читаемъ мы здѣсь, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значенія. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній".

„Скажемъ болѣе, продолжаетъ Грановскій, философія исторіи едва-ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа; но, спускаясь въ сферу частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она уклоняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ, болѣе или менѣе, носить на себѣ характеръ произвола, потому-что великія событія, какъ-бы они ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ своихъ результатахъ, и никакъ не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто замкнутое и вполнѣ оконченное".

Какъ лучшее подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія о невозможности отдѣльной философіи исторіи, Грановскій прямо указываетъ на чтенія Гегеля объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его Гансомъ. „Это произведеніе знаменитаго мыслителя, говоритъ Грановскій, не удовлетворило самыхъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть ничто иное, какъ отрывочное и не всегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей исторіи, вставленной въ рамку произвольнаго построенія".

Входя въ подробности, Грановскій указываетъ, что Гегель раздѣляетъ всеобщую исторію на четыре періода—соотвѣтствующіе дѣтству, юности, зрѣлости и старости. Слѣдовательно четвертый періодъ исторіи совпалъ бы со старостью рода человѣческаго. Но Гегель этого отнюдь не доказываетъ, противорѣча собственному построенію. Далѣе Грановскій указываетъ, что четвертый періодъ, названный у Гегеля Германскимъ, вовсе не характеризуетъ *всего* содержанія 14 вѣковъ, прошедшихъ съ паденія Римской имперіи. Грановскій впрочемъ при этомъ оговаривается, что самыя мѣткія и глубокія мысли объ исторіи высказаны Гегелемъ не въ его философіи исторіи, а въ другихъ его сочиненіяхъ, какъ-то, въ феноменологіи духа, въ эстетикѣ, философіи права и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ этой Рѣчи, Грановскій замѣчаетъ, что „слабая сторона философіи исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по его мнѣнію, въ приложеніи *логическихъ* законовъ къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ бы онѣ ни были значительны. Но сверхъ логической необходимости есть въ исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи исторіи, ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому

что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей исторіи".

Все это означаетъ собою—рѣшительное отреченіе отъ философіи исторіи и не только отъ Гегелевской, но и отъ всякой другой, основанной на *логическомъ* методѣ построенія. Это—безусловное предпочтеніе ей другого метода объясненія исторіи, который Грановскій знаменательно называетъ естественнымъ.

Какъ-же объяснить это измѣненіе во взглядѣ на значеніе философіи для исторіи у Грановскаго?—Отвѣтъ на это мы можемъ найти въ той же Рѣчи 1852 года. Мы можемъ прослѣдить по ней, какъ расширяется постепенно интересъ Грановскаго къ *внѣшнимъ* условіямъ, среди которыхъ совершается исторія человѣчества. Уже въ Берлинѣ Грановскій слушалъ Риттера, представлявшаго землю, какъ „храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго", и „проложившаго новые пути историкамъ нашего времени". Мы видимъ далѣе въ Рѣчи, какое впечатлѣніе произвело на Грановскаго письмо Эдвардса къ Ам. Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеніи ихъ къ исторіи.

Затѣмъ приводятся слова „знаменитаго натуралиста, академика Бера, произведшія такое впечатлѣніе на Грановскаго, что онъ посвящаетъ имъ обширную выписку. Въ ней говорится о томъ, что ходъ всемірной исторіи опредѣляется внѣшними физическими условіями, что вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Что эти личности всегда почти приводили только въ исполненіе то, что уже было подготовлено и—такъ или иначе, а должно было совершиться и т. д. На основаніи такихъ выводовъ—Грановскій приходитъ къ результату: что „дальнѣйшее упорство невозможно и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ".

Но какъ будто для того, чтобы предостеречь свою аудиторію отъ невѣрнаго толкованія этихъ словъ, т. е. отъ смѣшенія исторіи съ естественными науками, Грановскій въ этой же Рѣчи упрекаетъ Монтескьё за то, что онъ доводилъ „мысль о вліяніи географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ до такой крайности, что принесъ ей въ жертву „самостоятельную дѣятельность духа".

Въ этомъ все дѣло! Грановскій не отказывается отъ признанія въ исторіи „самостоятельной дѣятельности духа". Въ виду этого Грановскій формулируетъ свой взглядъ на исторію въ слѣдующихъ словахъ: „У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа—въ другой независимыя отъ него данныя природой условія его дѣятельности" [1]). Съ этой точки зрѣнія онъ требовалъ для исторіи *новаго метода*, который долженъ былъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. „Только такимъ образомъ, говоритъ онъ, можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія".

Высказанная въ этихъ словахъ надежда опиралась у Грановскаго на нашумѣвшихъ въ то время открытіяхъ статистика Кетле, указавшаго на изумительную правильность явленій въ такихъ областяхъ, которыя, казалось бы, совершенно зависятъ отъ случая или человѣческаго произвола, напр., одинаковое по годамъ число писемъ, опускаемыхъ въ почтовый ящикъ безъ надписанія адреса. Въ виду этого Грановскій говоритъ, что „въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію", и приводитъ слова самого Кетле—„въ противоположность принятымъ мнѣніямъ, факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, со-

[1]) Рѣчь. Соч. Гр. IV изд. Стр. 26.

вершаются съ бо́льшею правильностью, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, можно сказать, что правильная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ“ [1]).

„Мы не въ правѣ сказать того же объ исторіи, заключаетъ Грановскій. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою“.

Таковы данныя, которыя намъ представляетъ актовая *Рѣчь* Грановскаго для рѣшенія вопроса о его воззрѣніи на исторію. Какъ было упомянуто выше, это воззрѣніе представляетъ собою значительное уклоненіе отъ взглядовъ на исторію и пріемовъ ея изученія, сложившихся у Грановскаго подъ вліяніемъ Гегеля и высказанныхъ имъ въ введеніи къ университетскимъ курсамъ 1838—9 и 1843—4 годовъ. Но въ распоряженіи лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, находится еще громадный неразработанный матеріалъ, оставленный Грановскимъ—это самые его курсы, читанные имъ въ университетѣ. Вопросъ о вліяніи Гегеля на Грановскаго, о продолжительности и о проявленіяхъ этого вліянія можетъ быть рѣшенъ только на основаніи тщательнаго разбора всего упомянутаго рукописнаго матеріала. Починъ этой интересной работы былъ сдѣланъ П. Н. Милюковымъ въ его образцовомъ анализѣ рукописнаго курса Грановскаго по средневѣковой исторіи въ 1845—6 г. [2]).

Въ этомъ трудѣ г. Милюковъ возражаетъ тѣмъ изслѣдователямъ, которые говорили, что и Грановскій не подчинялся „односторонности Гегелевской системы, или отдѣлался отъ ея „крайностей“ впослѣдствіи“. Критикъ находитъ, что эти изслѣдователи „недостаточно оцѣнили значеніе гегелевской философіи, разумѣя въ особенности проф. Карѣева и взгляды,

---

[1]) Сочин. Гран. IV изд. Стр. 27.

[2]) Изъ исторіи русской интеллигенціи. 1903. II изд. Статья: Университетскій курсъ Грановскаго.

высказанные имъ въ его Рѣчи—„Историческое міросозерцаніе Грановскаго“. Съ своей стороны г. Милюковъ, давая очень цѣнныя указанія на слѣды вліянія Гегеля, отмѣченные имъ въ нѣкоторыхъ частяхъ разбираемаго курса—справедливо подчеркиваетъ то, что онъ вноситъ *новаго* въ разсматриваемый имъ вопросъ. Прежніе изслѣдователи судили обыкновенно о научномъ направленіи Грановскаго главнымъ образомъ „по его отзывамъ о современныхъ Грановскому теченіяхъ исторической мысли“,—тогда какъ *онъ* въ своемъ изслѣдованіи пытается опредѣлить, „какимъ представляется Грановскій не въ своихъ общихъ сужденіяхъ объ исторіи, а въ собственной исторической работѣ“. При этомъ г. Милюковъ прежде всего усматриваетъ въ ней могущественное вліяніе философской системы, окрасившей своимъ цвѣтомъ не одно десятилѣтіе европейской мысли. Для Грановскаго эта система была не очередной европейской новинкой, изъ которой слѣдовало взять долю истины и отбросить долю ошибки. Она была для него первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которымъ встрѣтила его Европа, и это впечатлѣніе легло для него въ основу всѣхъ собственныхъ построеній его мысли“. Въ подтвержденіе этихъ словъ авторъ указываетъ въ курсѣ Грановскаго на страницы—объ императорахъ Константинѣ и Юліанѣ, гдѣ по мнѣнію г. Милюкова сказался „ученикъ Гегеля, подчеркивавшій разницу между личными цѣлями дѣятеля и всемірно-историческими результатами, т. е. отдѣлявшій сужденія о людяхъ отъ сужденія о представляемыхъ ими идеяхъ“.

Далѣе г. Милюковъ усматриваетъ вліяніе философіи Гегеля на изображеніи Грановскимъ рыцарства и крестовыхъ походовъ. По поводу опредѣленія у Грановскаго чувства вѣрности рыцаря-вассала къ своему сеньёру, Милюковъ приводитъ въ примѣчаніи мысль Гегеля, высказанную въ тождественныхъ словахъ. А еще важнѣе то, что по словамъ Милюкова—Грановскій долженъ былъ видѣть въ рыцарствѣ самое яркое выраженіе развивающагося въ этомъ періодѣ внутренняго

противорѣчія „абсолютнаго“ духа, не узнающаго себя въ чуждой ему оболочкѣ и остающагося поэтому „абстрактнымъ“, за неимѣніемъ конкретной формы для своего полнаго выраженія. Подобнымъ образомъ проявляется вліяніе Гегеля въ изображеніи крестовыхъ походовъ. Хотя Грановскій слѣдуетъ при этомъ Лео (въ его Universalgeschichte), но „изъ идей Лео“ Грановскій дѣлаетъ такое употребленіе, при которомъ онѣ становятся „очень похожи на страницу изъ философіи исторіи Гегеля“ [1]).

Подобнымъ образомъ Милюковъ видитъ вліяніе Гегеля въ томъ, какъ Грановскій объясняетъ—въ отличіе отъ Гизо—разложеніе монархіи Карла Великаго. Гизо при этомъ изучаетъ органическій процессъ развитія Франціи, тогда какъ Грановскій слѣдитъ за всемірно-исторической нитью развитія человѣчества. Этотъ послѣдній осуществляется, по Гегелю, путемъ противоположностей. „Подобно Гегелю и для Грановскаго дальнѣйшая исторія (послѣ смерти Карла Великаго) есть время „реакцій“, и необходимость реакціи заключается уже въ томъ самомъ явленіи (организація имперіи Карломъ Великимъ), которое онѣ (т. е. реакціи) отрицаютъ“.

Все это представляетъ большой интересъ для характеристики Грановскаго. Но сколько бы слѣдовъ вліянія Гегеля ни оказалось въ рукописныхъ запискахъ слушателей Грановскаго, настроеніе, съ какимъ Грановскій вступилъ на каѳедру въ 1839 году, не одинаково съ тѣмъ, которое отпечатлѣлось въ его актовой Рѣчи 1852 года. Какъ же объяснить это?—Мы полагаемъ, что отношеніе Грановскаго къ своему предмету видоизмѣнялось подъ вліяніемъ—какъ самаго фактическаго матеріала, имъ изучаемаго, такъ и живого отношенія къ своимъ слушателямъ въ аудиторіи.

Матеріаломъ для изученія историка служатъ живыя существа—лица и народы, къ которымъ Грановскій не могъ от-

---

[1]) „Университетскій курсъ Грановскаго“ П. Милюкова. Изъ исторіи русской интеллигенціи, стр. 255, 257.

носиться безучастно, какъ естествоиспытатель къ *своему* матеріалу. Уже Чичеринъ, ученикъ какъ Грановскаго, такъ и Гегеля, преобразившій извѣстную трилогію Гегеля, чтобы дать въ ней мѣсто Востоку и Россіи—обратилъ вниманіе на то что Грановскій, „изучая исторію не съ точки зрѣнія отвлеченной логической схемы, а въ ея дѣйствительныхъ явленіяхъ — былъ далекъ отъ крайностей чисто гегеліанской школы. Онъ крѣпко стоялъ за значеніе и право личности, которыя у Гегеля служили только орудіемъ общаго процесса. Именно это всестороннее пониманіе жизни въ ея конкретныхъ явленіяхъ дѣлало его истиннымъ историкомъ, соединявшимъ философское образованіе съ обширною ученостью, свѣтлый взглядъ на лица и событія со способностью представлять ихъ въ художественныхъ образахъ“ [1]).

Этотъ интересъ къ личности побуждаетъ Грановскаго къ горячему протесту противъ фатализма въ исторіи. Этотъ же интересъ побуждаетъ его вступиться за значеніе „великихъ людей“ въ исторіи. „Еще недавно, говоритъ онъ, поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнить свое историческое назначеніе. Все равно, сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ ненуженъ. Такое воззрѣніе на исторію, восклицаетъ Грановскій, возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ“.

Вотъ это-то обстоятельство, что историку приходится имѣть дѣло съ существами, которыя должны руководиться нравственными законами—даетъ научной дѣятельности Грановскаго новое направленіе. „Да, восклицаетъ онъ, исторія великая наука—и что бы вы ни говорили объ естественныхъ наукахъ, онѣ никогда не дадутъ человѣку той нравственной

1) Б. Чичеринъ. Вопросы Философіи. 1904. стр 381.

силы, какую она даетъ". Изъ этого свойства исторіи вытекала для историка обязанность быть глашатаемъ тѣхъ нравственныхъ законовъ и уроковъ, которые можно извлечь изъ исторіи. „Благодаря имъ, восклицалъ Грановскій, исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницей народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣлый организмъ жизни, въ которомъ настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи" [1]). Въ виду этого Грановскій отказывается отъ мнѣнія, котораго онъ прежде держался подъ вліяніемъ Гегеля, что исторія никогда и никому не приносила практической пользы, что ни одинъ народъ не воспользовался ея уроками. „Я самъ говорилъ то же, продолжаетъ Грановскій... А между тѣмъ всякій день современной исторіи доказываетъ могущество и вліяніе уроковъ исторіи. Въ этомъ теперь мое твердое убѣжденіе" [2]).

Эта мысль становится такъ сказать осью, около которой вращаются всѣ мысли нашего историка—директивой, которую онъ даетъ своимъ слушателямъ; подъ вліяніемъ этой идеи философія исторіи утрачиваетъ тотъ отвлеченный, метафизическій характеръ, который ей придалъ Гегель, и вступаетъ въ область этики, становится могущественнымъ и вліятельнымъ ея органомъ. Сказать, чтобы философія исторіи этимъ самымъ вступала на совершенно новый путь, нельзя. Уже до Гегеля, у Гердера она шла по этому пути. Уже Гердеръ выставлялъ, какъ цѣль исторіи человѣчества достиженіе имъ полной человѣчности (Humanität). Грановскій прекрасно зналъ и высоко цѣнилъ Гердера. Ему онъ посвятилъ цѣлую лекцію въ своемъ *послѣднемъ* курсѣ и къ сожалѣнію послѣднюю, которую ему суждено было читать въ его жизни, за недѣлю до смерти,—лекцію, незабвенную для тѣхъ, кому посчастливилось ее услышать.

[1]) Грановскій имѣетъ при этомъ въ виду интересную страницу изъ Эмерсона, приведенную имъ въ своей Рѣчи 1852 г.

[2]) Изъ письма къ Станкевичу отъ 16 іюля 1838 года.

Грановскій самъ сдѣлался миссіонеромъ этой этики. Она проявлялась у него иногда въ поученіяхъ, всего же чаще въ эмоціональныхъ выступленіяхъ, вызывавшихъ такія же эмоціи среди слушателей. Къ числу первыхъ можно отнести, напр. слѣдующія слова Грановскаго: „При каждомъ проступкѣ, исторія приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бы ни былъ онъ—цѣлый народъ, или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины; въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій, стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справедливости приговора, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ сужденію дѣламъ ихъ“ [1]).

Но Грановскій при всей своей снисходительности отрекается тутъ же отъ того „позорнаго и недостойнаго историка безпристрастія, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа“—и разумѣетъ только „свободное отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніе на спорные историческіе вопросы“.

Извлеченіе же этическихъ наставленій изъ историческихъ фактовъ вытекало изъ самой этической природы Грановскаго и потому доставляло ему глубокое удовлетвореніе. Любопытный образчикъ этого мы находимъ въ письмѣ его отъ 4 марта 1840 г. къ умиравшему тогда Н. В. Станкевичу: „Сегодня говорилъ о Григоріи VII. Доволенъ собою. Мнѣ

1) Соч. Грановскаго. IV изд., 20.

особенно хотѣлось показать ничтожество матеріальной силы при всей ея наглости, въ борьбѣ съ идеями". Правильность приговора Грановскаго въ данномъ случаѣ можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь передъ собою одинъ изъ тѣхъ спорныхъ историческихъ вопросовъ, о которыхъ онъ говорилъ въ приведенной выше выпискѣ. Вѣдь на идейные мотивы опирались и противники Григорія VII, права которыхъ нарушались притязаніями папы. Двѣсти съ немногимъ лѣтъ спустя посланцы французскаго короля Филиппа IV дѣйствовали еще наглѣе противъ тогдашняго папы Бонифація VIII, и однако торжество было на ихъ сторонѣ, и потомство вмѣстѣ съ ними осудило пострадавшаго

Иначе отнесся къ этому крупному факту изъ исторіи борьбы священства съ царствомъ современникъ Грановскаго, извѣстный историкъ Рима въ своемъ замѣчательномъ описаніи Папскихъ мавзолеевъ. Гробница „величайшаго изъ папъ" въ Салерно наводитъ Грегоровіуса на размышленія, вызываемыя у зрителя, стоящаго у гробницы Наполеона въ домѣ Инвалидовъ въ Парижѣ. „Обѣ сильныя личности (gewaltthätige Geister) потрясли міръ и произвели въ немъ переворотъ. Сущность каждаго изъ нихъ коренится въ безмѣрной силѣ воли подчинить себѣ міръ. Но все же за честолюбіемъ Григорія VII стоялъ болѣе высокій, общій принципъ—Церковь. Но онъ исказилъ христіанскій идеалъ—церковь, поставивъ на ея мѣсто папство" [1]).

Такъ или иначе Грановскій не только считалъ своимъ правомъ, но и своею обязанностью нравственно вліять на своихъ слушателей.

Въ своей актовой рѣчи онъ прямо говоритъ: „Современный намъ историкъ еще не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей"— а тѣмъ болѣе, прибавимъ мы, на своихъ юныхъ слушателей, съ такимъ довѣріемъ обступавшихъ его каѳедру. Поэтому

---

[1]) Gregorovius. Die Grabdenkmäler der Päpste, p. 48.

университетскіе курсы Грановскаго такъ изобилуютъ обращеніемъ къ нравственному чувству студентовъ. Возьмемъ въ примѣръ средневѣковой курсъ 1845—6 г., напечатанный въ выдержкахъ г. Милюковымъ. Давая характеристику Цезаря—курсъ начинается съ римской имперіи—Грановскій говоритъ, что историкъ Светоній съ величайшимъ удивленіемъ разсказываетъ, что Цезарю недоставало духа предавать пыткѣ рабовъ своихъ—вещь самая обыкновенная для римскихъ аристократовъ—что ему недоставало твердости отомстить шпіонамъ, которые предали его во время гоненія Суллы. Эта мягкость была совсѣмъ не въ римскихъ нравахъ. Цезарь не даромъ жилъ почти въ одно время съ началомъ христіанства. Сѣмена его, зародышъ—лежитъ во времени Цезаря".

Объ императорѣ Клавдіи Грановскій разсказываетъ, что этотъ полоумный, пьяный правитель издалъ первыя смѣлыя постановленія, которыми ограничивалась власть римскихъ господъ надъ рабами. Этими постановленіями у нихъ отнималось право по произволу наказывать рабовъ смертью. Господинъ, бросившій больного раба безъ призрѣнія, терялъ право на владѣніе этимъ рабомъ. Это было нововведеніе неслыханное. Если сличить эти постановленія съ прежними, то они покажутъ намъ, какой огромный путь совершило человѣчество отъ блестящихъ временъ римской республики до этого времени видимаго упадка, но существеннаго перехода къ новымъ требованіямъ. Въ этой нечистой и развратной средѣ вырабатывались тѣ великія начала, въ которыхъ находится основаніе нравственнаго убѣжденія новаго времени.—Провозглашены были тѣ великія истины, которыя разъ навсегда сдѣлались нравственнымъ достояніемъ человѣчества".

По поводу убійства Агриппины Нероном Грановскій отмѣчаетъ, что „народъ торжественно вышелъ навстрѣчу матереубійцѣ, какъ будто Неронъ совершилъ великое дѣло", но, что „изъ всѣхъ сенаторовъ одинъ только знаменитый стоическій философъ Тразеа вышелъ безмолвно изъ собранія, когда

раздались проклятія противъ Агриппины".—Тразеа поплатился за свой стоицизмъ жизнью.

Грановскій, говоря о Багаудахъ Галліи въ III вѣкѣ объясняетъ, что это были тѣ низшіе классы общества, которымъ римскіе законы отказывали даже въ человѣческой личности и достоинствѣ, которыхъ коснулись новыя идеи, наполнявшія атмосферу и высказанныя высочайшими умами тогдашняго времени, александрійскими философами и христіанскими проповѣдниками и въ грубой матеріальной формѣ своей павшія въ народныя массы: это была идея эмансипаціи общества".

Чтобы взвѣсить культурное значеніе этихъ словъ нужно помнить, что они были сказаны во время крѣпостного права профессоромъ-помѣщикомъ передъ аудиторіей, состоявшей въ значительной степени изъ сыновей помѣщиковъ!

Тяжелое чувство, вызванное въ Грановскомъ воспоминаніемъ о древнемъ рабствѣ, повліяло и на его изображеніе крѣпостного быта во Франціи въ X вѣкѣ, столь отличнаго отъ древняго рабства. Издатель относящейся сюда страницы въ курсѣ 1845—6 года, указываетъ на то, что Грановскій, „резюмируя взглядъ Гизо на происхожденіе феодализма" характеризуетъ „отношеніе между господиномъ и рабомъ его", какъ „самое ужасное рабство", и прибавляетъ къ этому замѣчаніе: „Русскій профессоръ сороковыхъ годовъ не могъ не сгустить невольно красокъ, говоря о положеніи крѣпостныхъ; иначе этотъ профессоръ не былъ бы Грановскимъ" [1]).

Изъ главы о культурѣ античнаго міра въ эпоху его паденія остановимся на характеристикѣ неоплатониковъ у Грановскаго. Въ этомъ изображеніи отражаются и плодотворность вліянія на Грановскаго Гегелевской философіи и его собственная гуманная, религіозная натура. „Неоплатоники приняли великую мысль органическаго развитія философіи; они поняли преемственность системъ философскихъ, (изъ ко-

---

[1]) П. Милюковъ. Университетскій Курсъ Грановскаго. Сборникъ: Изъ исторіи русской интеллигенціи стр. 252.

торыхъ каждая не выполняетъ совершенно цѣли философіи): поняли каждую систему, какъ одинъ моментъ въ исторіи философіи, не давая впрочемъ ни одной изъ нихъ конечнаго значенія. Они положили въ основаніе своихъ изслѣдованій творенія Платона, привлекаемые къ нему богатствомъ его философскихъ воззрѣній; но они связали его ученіе съ ученіемъ Пиѳагора и Аристотеля. Они не остановились и на этомъ; они вышли изъ сферы философіи въ сферу исторіи религіи и здѣсь держались той-же путеводной нити; вездѣ слѣдовали они органическому развитію. Они поняли, что въ исторіи человѣчества все истекаетъ одно изъ другого. Съ этой высокой точки зрѣнія старались они объединять древнія религіи, показать, что въ каждой языческой религіи дано было откровеніе, что всѣ религіи древняго міра—ничто иное, какъ рядъ откровеній. И здѣсь, несмотря на всю глубину этого пониманія, они впали въ великое заблужденіе; глубокіе истолкователи предшествующихъ формъ,—они съ ненавистью говорили о христіанствѣ. Только отдѣльныя личности, вышедшія изъ этой школы, оцѣнили по достоинству христіанство. Но между тѣмъ ни одна философія не имѣла такого сильнаго вліянія на ученую форму христіанской догматики, какъ неоплатоники".—Прибавимъ къ этому одну выдержку изъ послѣдняго отдѣла. Въ рыцарствѣ Грановскій видитъ „благороднѣйшій цвѣтъ феодальнаго общества". Упомянувъ о двухъ попыткахъ объяснить происхожденіе рыцарства, онъ продолжаетъ: „Главное (же) вліяніе на развитіе рыцарства имѣла западная церковь. Вездѣ это великое, благородное учрежденіе (церковь) старалось воспользоваться всѣми средствами, чтобы смягчить жестокій бытъ феодальный—рыцарствомъ, такъ же, какъ Божьимъ миромъ, смягчило оно самый феодализмъ".—Вся жизнь рыцаря должна была быть посвящена защитѣ церкви, благородной ревности къ войнѣ и турнирамъ. Рыцарство образовало въ Европѣ большую республику, которой члены соеди-

нены были братствомъ, несмотря на различіе національностей".

„Изъ трехъ элементовъ сложилась рыцарская нравственность—честь, вѣрность и любовь. Въ этихъ элементахъ есть много произвольнаго; личная прихоть не могла быть никогда отстранена отъ феодальнаго общества; это лежало въ основаніи феодальнаго характера. Но эта прихоть была облагорожена. Въ чувствѣ чести обнаруживается могущественное сознаніе личнаго человѣческаго достоинства. Конечно, это личное достоинство человѣческое сначала сознаваемо было только въ феодальныхъ баронахъ, прочіе классы не имѣли права на это чувство. Но дѣло въ томъ, что отъ феодальныхъ бароновъ это чувство гордой личности впослѣдствіи перешло и на прочіе классы" и т. д.

Вотъ эта-то потребность Грановскаго находить въ исторіи матеріалъ для нравственныхъ, просвѣтительныхъ уроковъ должна была, по нашему мнѣнію, наиболѣе содѣйствовать охлажденію его интереса къ абстрактной сторонѣ, вносимой въ исторію философіей. А къ этому еще присоединилось вліяніе на Грановскаго его молодой аудиторіи. Онъ самъ заявляетъ въ своей актовой рѣчи: „Современный намъ историкъ еще не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей"—а тѣмъ болѣе, если вмѣсто читателей тутъ были на лицо слушатели, жадно ловившіе каждое слово наставника и, прибавимъ къ этому, слушатели болѣе способные воспринимать такіе нравственно просвѣтительные уроки, чѣмъ углубляться въ философію *тождества* или разборъ политическихъ учрежденій прошлаго, въ то время впрочемъ и не допускавшійся. Этимъ и объясняются тѣ золотыя слова, которыми Грановскій формулировалъ свой взглядъ на исторію и на самого себя, какъ историка и профессора: „Даже въ настоящемъ, далеко не совершенномъ видѣ своемъ, всеобщая исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ кото-

рой нѣтъ истинной оцѣнки людей". Чѣмъ глубже Грановскій въ своей профессорской дѣятельности вникалъ въ историческій матеріалъ, тѣмъ болѣе цѣны получала въ его глазахъ фактическая сторона исторіи, тѣмъ лучше, пользуясь опытомъ прошлаго, онъ понималъ настоящее и тѣмъ сознательнѣе онъ отдавался призванію историка быть глашатаемъ „благородной терпимости" въ смыслѣ гуманности".

Это-то свое нравственное, просвѣтительное призваніе Грановскій блистательно исполнилъ,

И юношамъ въ завѣтный даръ
Онъ приносилъ и духъ свободный
И мысли свѣтъ и сердца жаръ.

Какъ сказалъ нѣкогда близкій ему поэтъ!

Предшествующій очеркъ жизни Т. Н. Грановскаго имѣлъ цѣлью показать почему Московскій университетъ его чтитъ въ столѣтнюю годовщину его рожденія, почему Московскій университетъ не можетъ его забыть по прошествіи болѣе полустолѣтія послѣ его смерти.

Молодой Грановскій принесъ нашему университету цвѣтъ европейской науки въ области Всеобщей исторіи. Онъ одухотворилъ ее философіей и возвелъ ее на степень воспитательнаго орудія русской молодежи на поприщѣ культурныхъ и гуманныхъ идеаловъ.

Встрѣтивъ препятствіе своей дѣятельности какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ Московскомъ обществѣ, и недовѣріе къ себѣ со стороны начальствующихъ лицъ, Грановскій побѣдилъ своею личностью и талантомъ препятствовавшіе ему предразсудки и идя по пути, указанному Великимъ Преобразователемъ Россіи, укоренилъ въ русскомъ обществѣ убѣжденіе, что Всеобщая исторія служитъ объединительнымъ звеномъ между европейскимъ Востокомъ и Западомъ, и что европейская наука составляетъ неотъемлемую принадлежность русскаго образованнаго человѣка. Но значеніе Грановскаго въ

жизни русскаго общества и въ исторіи Московскаго университета не ограничивается тѣмъ, что онъ своимъ талантомъ и краснорѣчіемъ боролся и побѣждалъ враждебныя успѣхамъ культуры и образованія направленія. Его значеніе въ томъ, что онъ своею *личностью*,—согласно великому завѣту не *словомъ*, а *примѣромъ* (non verbo sed exemplo)—оправдывалъ свое ученіе. Онъ доказалъ своимъ примѣромъ, что съ усвоеніемъ русскими европейской образованности вполнѣ совмѣстимы вѣрность и преданность завѣтамъ русской старины. Испытавши на себѣ, какъ общественный дѣятель, тяжесть *стараго порядка*, онъ не утратилъ чутья русской дѣйствительности; увлекаясь въ юности примѣромъ испанскихъ кортесовъ, онъ не усомнился въ значеніи для русскаго государства *монархіи*, и, разбитый преждевременной болѣзнью, онъ скорбѣлъ о томъ, что не могъ поступить въ ряды ополченцевъ, шедшихъ на защиту Севастополя!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Учебные годы Грановскаго 1
2. Грановскій въ Московскомъ университетѣ 10
3. Грановскій и Московское Общество 26
4. Грановскій на каѳедрѣ исторіи 51